

БИБЛИОТЕКА
«НОВОЙ КНИГИ»

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

СОЧИНЕНИЯ

В двух томах

Редакционная коллегия:

А. Д. Ребров, председатель,
Е. В. Гропянов, С. П. Кожан,
Н. А. Порогова, Л. Г. Порогова,
Н. Н. Селиванова,
ответственный редактор

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«НОВАЯ КНИГА»
2003

Георгий Поротов

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 2

На околице Руси

Роман

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«НОВАЯ КНИГА»
2003

Сочинения Георгия Поротова изданы при
финансовой поддержке Управления культу-
ры администрации Камчатской области и
Холдинговой компании "Новая книга".

В СМОТ
В ДВУХ ТОМАХ

Редакционная коллегия

Н. А. Поротов, Л. Г. Поротов,
Н. Н. Момы

ответственный редактор

Поротов Г. Г.

П 59 Сочинения в двух томах. — Петропавловск-Камчатский: Холд.
комп. "Новая книга", 2003. — 568 с.

Во второй том камчатского поэта и писателя Г. Г. Поротова (3 мая 1929 г. —
1 июля 1985 г.) вошел роман «На околице Руси».

© Поротов Г. Г., 2003

© Управление культуры админис-
трации Камчатской области, 2003

©Холдинговая компания "Новая
книга", 2003

ISBN 5—87750—079—1 (т. 2)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЯРОВОДЬЕ

ЛЕБЕДИНОЕ КРЫЛО

Говорят старики, что в старину шел голодный казак из итель-
менского острожка Кырганика в казачью крепость Верхний ост-
рог. Устал. Присел отдохнуть у веселой речушки. Смотрит: вода в
ней от рыбы кипит. Наварил, наелся досыта, поклонился и в па-
мять окрестил ту речушку Милкой. В честь ее потом и село назвали.

Не помнят жители Милькова такого морозного года, как этот
— новый тысяча девятьсот семнадцатый.

Ворона, на что крепкая к холоду птица, и та замерзает на лету.
В избах, не переставая, топят печи.

Скотина в холод много ест.

После крещенских морозов Емельян Попов заметил, что на
стлани осталось меньше половины заготовленного сена. Не рассчи-
тывал он на такую зиму. Не растянуть корма до первой травы.
Волей-неволей пришлось ему идти к соседу Савватею Семенови-
чу, занимать стожок. Сосед не отказал: как не помочь человеку в
беде, с каждым может такое случиться.

Вывез к вечеру Попов из Едомы стожок, распряг собачек и
спокойно сел чаевать. Под крыльцом зарычала сучка, затаивали
щенята. В избу без стука вошли возбужденные староста Иллари-
й Потапов и его брат Полуэкт. Емельян вскочил.

— Чё?

— А вот ничё! — возмущенно ответил Иллариий и ощерился. Его
широкоскулое, с плоским носом лицо исказила злобная гримаса.

В белой камлейке, с красными полосами на рукавах, он своим
видом напоминал микижу — рыбу, главенствующую над речными
гольцами. Микижа, широкая, с красной полосой на теле, плавает
важно среди обитателей реки, пожирает всех встречающих, не брез-
гуя и собратями, если они послабее ее.

Через прорез камлейки Иллариий вытащил на крупной серебря-
ной цепочке часы "Павел Буре", постучал по ним указательным
пальцем и подтолкнул брата.

— Ты зачем украл мое сено? Отвечай! — закричал Полуэкт.

— Как тебе не стыдно напраслину возводить на человека, — обиделся хозяин. — Вы поздоровались бы сначала.

— Зубы не заговаривай нам, Емельян. Пришли с обидой, — вставил слово староста Иллариий. — Как говорится в народе, воровство — последнее ремесло.

— Вот-вот! Ты пош... се... укр...? — заталдычил Полуэкт. Когда он волновался, то говорил взхлеб, проглатывая окончания слов. Ростом он не вышел, да и телом, что тощий осенний голец. Непоседлив. Неуживчив. Из вечно приоткрытого рта выглядывают острые зубки.

— Отвечай! — притопывая, крикнул Полуэкт.

— Да вы что, с ума того? — ковырнул пальцем у виска Емельян. — Стожок мне одолжил Савватей Плотников.

— Признавайся, а то мотри! — положил ноготь на ноготь голова села. — Ишь, какой! Я те...

— Я те, я те, — посуровел Емельян, — сначала узнай хорошенько, а потом уж...

— Узнал, — ехидно сморщил лицо с прищуренным глазом Иллариий. — Этакая ты сволочь!

— Как ты это? — ужаснулся Емельян. — Да на сходе за такое...

— Плевал я вот так: тьфу! А на тебя!..

Емельян — мужик терпеливый, многие обиды молча сносил, но тут вдруг вспыхнул.

— Да ты сам добрая сволота, пакостная росомаха — тащишь, как ловко попадется. Стервец! Обманщик!..

Рассерчал Попов и силой вытолкнул из избы одноутробных братьев.

Через день по заявлению Полуэкта в огромном доме горбатенького купца Коршунова собрался сельский сход.

Оказалось: действительно Емелька Попов вывез его сено. Сход шумел. Еще бы: в Милькове такого не случалось. Люди не знали замков.

Староста Иллариий ярился:

— В каталажку вора надо засадить. Сгноить мерзавца требую!

Сухонький старичок Македоныч урезонивал его:

— Не выпячивайся, Илларион, требуется разобраться. За собой лучше посмотри. Помни: "Гневайся, да не согрешай!" Тут решает общество, миром будем судить. Так испокон веков ведется. Неча тебе на людях уросить.

Староста под строгим взглядом стариков сник и скрылся в толпе.

Все уставились на Македоныча, старика, напоминающего твердый кедр, высушенный на буйных ветрах.

Македоныч был знатоком крестьянских традиций и обычаев. Относились к нему с уважением: никто уже не знал, как жили их предки на реке Лене.

В Милькове все имели огороды, выращивали семена, держали коров, лошадей, основным занятием мужчин были рыбалка и охота. Когда перестали сеять хлеб, не помнят.

Серпами теперь только траву резали. У некоторых в амбарах на пятах* хранились ненадобные уж мотыги и сохи. Огороды вскапывали лопатами. От старины оставались всего лишь песня да сказка.

Македоныч был той таинственной ниточкой, которая связывала жителей села с оставленной еще в восемнадцатом веке матушкой Сибирью. Старики дорожили этой ниточкой — слишком уж она была тонкой.

Родная сторона — матушка. Даже для тех, кто и не знал ее. Матушка есть матушка. Каждому помнится родная сторона.

Македоныч настолько свыкся со своим особым положением, что порою, сам того не замечая, допускал отсебятину. Он уверял старух, что тараканы приносят счастье, что еще, мол, в старину прабабушки привезли их сюда в коробочках. Но вот беда, они так расплодились, что нет спасу...

Сегодня Македоныч на почетном месте: разбирается небывалое дело — воровство. Емельян Попов — всем земляк, большинству семей родником приходится. Как воровство получилось — уму непостижимо.

Стоит большой мужик Емелька Попов, понутив голову перед народом.

Македоныч встал, постучал ладонью по столу:

— Эх, проснулись бы прадеды-покойнички да посмотрели бы на нас... Грешат правнуки, укорили бы, что забываем старину. Молиться — молимся, а дьявольским соблазнам поддаемся.

— Христиане! Без злого умысла стожок я перевез! — воскликнул Емельян.

— Молчи, коль попался! — взвизгнул Полуэкт.

— Он без умысла взял чужое сено... подумал мой стожок... туман-то был какой! Ей-богу, одолжил ему до осени! — перекрестился добрый Савватей Семенович. — Зачем так-то? Напраслину Полуэкт возводит.

— Не верьте! Врет он, люди. Гляделки байкой вам затуманивает. Да они с ним заодно, одной веревкой связаны, одним миром мазаны! Все вместе делят: рыбалку и охоту!.. — завертелся Полуэкт с пеной у рта. — Ишь, какой! "Напраслину возводит"...

— Не пори горячку, Полуэкт! Дело сурьезное, надо разобраться, — Македоныч попытался урезонить разбушевавшегося Полуэкта.

— Не верьте, люди добрые, Савке! — не унимался Полуэкт. — А если б у вас сен... укр...? А?

* Пятры — настил под крышей амбара для складывания хозяйственных вещей; иногда в сенях род потолка для поклажи.

— Хватит сорочить! Сказано, разобраться надо! — хлопнул ладонью по столу Македоныч.

Хозяин дома, где проходил сход, горбатенький купец Коршунов, тонко выкрикнул:

— А чего тут разбираться-та? Есть староста, слава богу, властями поставлен. Пусть Иллариий Феофанович из Петропавловска урядника попросит к нам заехать. Начальство быстро разберется, что к чему. На днях я в город собираюсь, могу и доложить...

— Не купеческое дело сельский сход со счетов сбрасывать, — отрезал кряжистый Гаврила Мальцев. — Тебе три лисицы за вечер дали, избу откупили, а ты сходу мешаешь.

— Да мне хоть до утра ругайтесь, — махнул рукой Коршунов. — Сход! На кой старина вам сдалась? Илларию так или эдак начальству докладывать. А вы — сход! — И ушел с другим купцом, Колесовым, чаевать на кухню.

Македоныч забеспокоился, заметив, как зашевелилась толпа и стала делиться на кучки. Того и гляди, Иллариий возьмет сход в свои руки. Лезет напролом. Как же! С городом по проводам разговаривает. На всех свысока смотрит: староста...

— Я вот и говорю, значит, — засуетился Македоныч, — если бы встали прадеды -покойнички, укротили б некоторых молодых... Корыстолюбие, значит, развели...

— Значит, значит — ничего не значит! — передразнил из угла Иллариий.

Кто-то дурашливо хихикнул.

Македоныч заторопился завладеть сходом. Он прокашлялся:

— Наказать виновного надо, но только обществом, чтобы другим впредь неповадно было на чужое добро зариться. Там, на Большой земле, мужики надели бы на Емельянову шею хомут, повели бы по селу да плетью, плетью...

Шутник Михайлов ухмыльнулся:

— Правильно, совершенно правильно! Надо делегацию послать на Большую землю за хомутом. Глядишь, быстренько, годика через два, и вернутся назад, только пусть захватят побольше запасных торбасов с толстыми подошвами.

Затараторили. Загудели мужики. Никто не знает, какой есть из себя хомут. На лошадях в Милькове ездят лишь верхом, да и то осенью на охоту; а зимой в них нет нужды, держат в пригонах или отпускают пастись на хвощи, которые изобильно растут в низинах около незамерзающих рек.

Емельян Попов хотел воспользоваться разладом схода, резко поднял над головой руку и ненароком сбил со стены большое лебединое крыло. Крыло ударило костяным концом по лысой голове Македоныча и упало на стол. Иллариий хихикнул. Виктор Михайлов открыто засмеялся. Это подхлестнуло Македоныча.

— Охальник! — схватился он за лысину. — Сам себе кару отыскал: вот оно — крыло, которым сор из избы выметают! Ты должен по всем избам пойти и подмести пороги! Такое будет тебе наказание за воровство.

Старики одобрительно зашумели. Савватей заступился за соседа:

— Зачем позорите мужика, возьмите мое сено. Завтра с ним вывезем...

— Стой, люди! Мирволит Савватейка, потворствует вору. Если они друг с другом во всем делятся, то пусть вместе и походят по селу. Заступник пусть водит, а виновник подметает. Как вы?

— Неужели меня? — удивился Савватей. — За что же это, мужики?

— Попустительство. До воровства докатились — дальше уж некуда. — Иллариий вынул свои часы и сосредоточенно посмотрел на них. — Времечко с начальством разговаривать.

— Да мы обществом! Не торопись пока, — обвел рукой вокруг обеспокоенный Македоныч. — Не беспокой уж город.

— Охо-хо-хо, посмотрим, — нехотя согласился Иллариий.

Сход одобрил решение Македоныча, но сельчане расходились молча, не глядя друг другу в глаза.

В Милькове встают рано, до зари. Утром первыми засветились окна избы Андрея Акиндиновича Бобрякова. Хозяин собирался на охоту: подбирал капканы, наполнял патронами патронташ, готовил петли на зайцев, укладывал в кожаные мешки снаряжение. Сам Бобряков среднего роста, жилистый, у него задумчивые карие глаза, заостренное книзу лицо с небольшой бородкой, всегда пострижен "под горшок", по старинке, хотя в Милькове никто уже так не постригается.

Бобряковы были завезены на Камчатку в восемнадцатом веке первой партией, и их родовой корень прошел через все крестьянские семьи. Им выпала доля валить, раскорчевывать девственные леса, высвобождая землю под огороды, под строения, прокладывать крутые охотничьи тропы в горах, учиться деревянными запорами ловить рыбу, ткать полотно из суровой крапивы.

Андрей Акиндинович считал всех родниками. Впечатлительный, он с болью переживал разлад среди мильковчан, понимая свое бессилие в примирении людей. Особенно разбредило его душу вчерашнее судилище над Емельяном.

Жена Андрея Акиндиновича, Анна Яковлевна, неделю назад уехала на собачках в город обменивать пушнину на муку, и в дорогу охотника собирала старенькая мать, Прасковья Ефимовна. Родом она из Потаповых, начало которому дал казак Потап, заложивший первый острог на Камчатке, Верхний. Глаза у нее серые, добрые; редкие седые волосы заплетены в две косички; вечно она в домашних хлопотах. Сын все удивляется: "И когда это вы, мама,

отдыхаете — все время на ногах". Мать в ответ улыбается: "По старшим-то дети да внуки учатся. За меня, сынок, медведица отсыпается".

У печки кухарничал расторопный гость из Верхнего: обветренный до черноты, густобородый, с выпуклым лбом мужик. Звали его Иван Казимирович. Начитанный и странный. Зимой он ходит в ичигах*, тогда как все носят торбаса; шапку надевает только в сильные морозы; купается в полынье и не простывает.

Иван Казимирович приехал навестить сестру Анисью, но та морозила тараканов; и остановился он на постой у старого приятеля по охоте — Андрея Акиндиновича.

С рассветом из спальни на кухню высыпали дети: Акиндин, Иринарх, Вера, Надя, Люба, окружили радостными криками бабушку. Прасковья Ефимовна, улыбаясь, пропела:

Прилетели птички
Ростом невелички,
Чернявые мои,
Черноглазенькие...

И тут же, сделав строгое лицо, распорядилась:

— Ну-ка, ну-ка, быстрее умываться, не то станете черней вороны. Вошки косы тогда вам заплетут, в колодец утащат.

Дети, веселые шалунишки, со смехом бросились к умывальнику.

Иван Казимирович разжег ведерный самовар и вынес в сени, чтобы не угореть. Потом собрал детишек вокруг стола и стал им рассказывать были да небылицы про медведей. Гость серьезно ведет рассказ, а дети хохочут, стучат ручонками по столу — весело!

— Сел я на пенек отдохнуть, но пень как запляшет подо мной, я и хлопнулся в снег. Поднялся, перекрестился, а сам шепчу: "Сгинь, сгинь, нечистая сила. Чур меня, чур меня". Гляжу: пенёк замер. Я снова присел. Он опять заплясал. Хотел уже встать на лыжи и бежать без оглядки, да увидел, как сердито мой вожак Верный начал снег

грести под пнем. Сторожко наблюдаю. Курок взвел. Немного погода из-под снега пар повалил, будто кто там баню затопил; после показалась медвежья голова, тут я и выстрелил!..

— А вот вам, внучата, и медвежья лапа готова! — ласково известила бабушка, ставя на стол чугунок с вареным мясом. — Вставай-ка, тятя, начни трапезу.

Андрей Акиндинович вымыл руки, перекрестился на образа и сел на хозяйское место за столом.

— А вы чего, мама, не садитесь?

* Ичиги — торбаса до колен.

— Стряпуха с пальцев сыта, — просияла Прасковья Ефимовна. — Вот внучатам надо больше медвежатины кушать, чтобы быстрее им вырасти да тятя с мамой помогать: в город за мукой на собачках ездить, на охоту в горы на лыжах ходить, в речке рыбку ловить.

— А мы помогаем, помогаем! — защебетали ребятишки.

В сенях хлопнули дверью. Постучались. Вошли двое: Савватей Плотников и Емельян Попов. Все уставились на ранних гостей. У Емельяна к правой руке было привязано большое лебединое крыло. Бабушка забеспокоилась:

— Быстро, быстро, дети, в горницу...

Савватей остановил:

— Извини, Прасковья Ефимовна, не гоните, пусть посмотрят на нашу людскую-то жестокость, может быть, когда вырастут, получше нас будут...

— Нечего смотреть им на горе человека... идите, дети, отсюда, — приказал отец.

Ребятня убежала в горницу. Мужики замерли. Молча посмотрели в глаза друг другу хозяин и Емельян. У Емельяна по щекам потекли слезы. Андрей Акиндинович тяжело вздохнул и отвернулся в сторону. За спиной он услышал, как об жесткий порог зашуршало крыло. Потом умолкло. Скрипнула дверь, и тишину растревожил тихий всхлип матери, Прасковьи Ефимовны.

А в полумрачной горенке, оттаяв пальчиками на промерзлом стекле пять светлых пятнышек, прильнули к окну дети, и в глазах их долго качался с опущенным крылом дядя Меля, которому уже больше никогда не подняться к вершинам человеческой радости.

ТИХТЕР

Тяжело человеку покидать родимые места, где пущены его корни. А еще тяжелей человеку, когда ни за что ни про что обидят его близкие люди.

Ославленный сельским сходом, Емельян Попов переехал в Ключи, бросив домик, стайку и амбар на произвол земляков.

Возврата в родное село ему не было.

Людей недолго тревожил всплеск мелких пересудов о Емельяне, к весне их захлестнула жуткая новость: "Помазанник божий император Николай Второй отрекся от престола!"

Милюково словно поветриемхватило. Люди ходили, как на похоронах: говорили тихо, больше молчали, думали. Первым не вытерпел тягостной тишины Македоныч. Как-то под вечер он робко заглянул в избу старосты.

— Илларий, как это он? Ответь, не то люди умом изведутся.

— Откуда мне знать? Не сообщают — и весь коленкор.

Но вскоре староста сам отблаговестил на всю волость:
— На Большой земле Р-р-революция!

Опять камчадалу невдомек: аль какая новая царица, аль страшная болезнь там.

Но тут заговорила Камчатка. Денно и ночью гудели провода, оповещающая, командуя, страшая.

Губернатор Мономахов уехал с ясачной пушниной в столицу Петроград и не вернулся, сгинул.

В Петропавловске спешно создан городской комитет общественной безопасности.

В Милькове же силу набирал староста Иллариий, во власти рос, будто тесто на опаре. Теперь на селе решал только он и ни в чьих советах, ни в каких сходах не нуждался. Для охраны порядка Иллариий имел команду из местных казаков.

Македоныч со своей стариной остался в стороне. Замкнулся в себе. Обиделся.

А беда кличет беду.

Сын Македоныча, Ефим, гнался на лыжах за лисой-крестовкой по косогору. Крепкий был мужик, жилистый, выносливый. Решил он крестовку живьем взять, молодой женушке Катерине показать, обрадовать. Больно уж красивая зверушка — разноцветная, что радуга на снегу, и черный крест по спине у нее пролег. От помеси двух кровей пошла такая: от рыжей лисы и от черно-бурой. Редкость!

Спугнул Ефим красавицу с косогора, сам разогнался вниз за ней да не заметил в азарте на пути сухой сук березовый. Настиг Ефим лисицу, придавил широкой лыжиной. Стал нагибаться — ударила боль в живот. Глядит: из него палка торчит, кровь по торбасам сочится. Посадил он злосчастную добычу в мешок, зажал рану пальцами и пошагал домой. Добрел до села. Зашел в избу, обдало его домашним теплом. Упал охотник у порога.

Македоныч с Катериной перепугались, бросились искать доктора Савинского. Да где там: ни дома, ни у больных не нашли. Уехал Савинский за шестьдесят верст от Мильково, в деревушку Машуру. А доктор на всю волость один... Всю ночь над Ефимом торчали старухи. К утру охотник скончался...

Остался Македоныч без родового отростка. Но старик еще на что-то надеялся. Выжидал. Человеку, побывавшему на горе Власти, не хочется спускаться вниз — там он незаметен.

Македоныч ждал лета, ждал яроводья. Зоркому глазу было заметно, как три сопки, встающие над Ганальским хребтом, одновременно стали снимать пышные снежные одежды. Такого еще старожилы не помнили.

В народе утвердилось: если первой начинает оголяться левая сопка, то в реках вода поднимется невысоко, хорошая рыбалка будет; если с ней оголяется средняя сопка — жди большой воды,

первой рыбы не видать на столе. А тут сразу на трех сопках появились бурые проталины.

Македоныч ждал буйства природы. Он знал, что перед стихией люди табунятся, им понадобится опытный вожак. Но кто, как не он, Македоныч, может стать им!

В воскресный день нежданно-негаданно прибыл в село с небольшой охраной член областного комитета общественной безопасности инспектор училищ Сусяк. Он привез Телятьевского, молодого стройного учителя в церковно-приходскую школу. На постой они были приняты самим старостой. Дом большой — места всем хватит. Живет зажиточно — не объедят. И хозяин рад: больше почестей в народе.

Купец Коршунов в честь высокого гостя устроил знатный обед на берегу реки Антоновки. Казенка, огромная поляна, опоясанная могучими тополями, усеянная веселыми подснежниками, заискрилась разгульным празднеством. Три гармошки-тальянки голосисто вызванивали во все колокола "Восьмерку", танцующие пары выводили кадильные фигуры. Над столами от еды, как туман над речкой, пушился пар.

Раскрасневшийся Сусяк с поднятой рюмкой над бритой головой выкарабкался из-за стола и гордо прошел на круг.

— Рад встретиться с вами, крестьяне свободной Камчатки! — выкрикнул он. — Русская революция закончена! Да будет вам известно: на общем собрании всех граждан города создан комитет общественной безопасности, который возглавляют всеми уважаемые господа: член областного суда Емельянов, начальник связи Королевич, городской голова Голубецкий и представитель социалистов-революционеров — это я!

Тут оратор сделал многозначительную паузу. Иллариий, заискивающе улыбаясь, подскочил к гостю и хотел крикнуть "Ура!", но в горле что-то застряло и получилось "Ух-ха! Ух-ха-а!"

Вместо восторженного одобрения по Казенке хохотнули. Сусяк поначалу растерялся, но тут же нашелся, засмеялся со всеми, вскинул бритую голову и, глядя на Коршунова, похлопал в ладоши, потом поднял указательный палец:

— А еще выбраны в комитет дорогие наши кормильцы-торговцы Дьяконов и Дубовецкий!..

— Ура! — взвизгнул Коршунов и смахнул слезу.

Здесь и остальные подхватили. Как не поддержать в сей миг — обед-то купеческий!

Оратор ободрился.

— А над нами стоят господа: комиссар Емельянов и его помощник, ваш наставник в огородничестве — агроном Добровольский. Ура!

— Ура! Этот наш!

— Видите, как жизнь повернулась к вам тепленькой стороной, — продолжал Сусяк. — Скажу по секрету, начата подготовка к созыву областного крестьянского съезда. Все теперь для вас. Вот и в церковно-приходскую школу прибыл новый учитель Константин Иванович Телятьевский. Прошу любить и жаловать!

Учитель привстал, слегка поклонился и сел под восторженные возгласы. К Сусяку подошла бабушка Евления, низко поклонилась и прошамкала:

— Нам пы батюшку пришлали. Швой-то штаронькой бул... отец Иринархий... Помер он. Царство ему небешное.

Иллариий выпучил глаза:

— Куда прешь не вовремя! Дай человеку наговориться да покушать!

Бабушка обиделась:

— Илларка, вшо пы тебе кричать-орать!

— Что, что, старая? — не понял староста.

Гость покровительственно кивнул.

— Будет тебе, бабка, послан батюшка! Будет пастырское благословение!

— Шпашибо на добром шлове! Да благошловит тебя гошподь! Ишь детишки некрешонными раштут. Умерших, ой, худо отпевают!

Крестьяне спохватились:

— Верна! Верна бабушка Евления говорит! Дьячок в молитвах путается. Смех и грех...

— Будет, будет у вас новый священник, — заверил гость. — Не беспокойтесь, областной комитет исполнит вашу просьбу. Поднимем же наши бокалы за новую жизнь!

Звякнули кружки.

Вновь растянули меха гармошек потешники музыканты. В шуточной пляске вышли признанные на селе веселухи: высокая сухошавая Агафья — жена дьячка Агафангела, с подружкой, короткой, толстенной, живой Марией Бушуевой из Кырганика. Эти завсегдатаи народных забав перемазали углем свои лица, оделись в латаную, перелатаную одежку: Агафья — в мужскую, увенчав голову стареньким картузом, Мария — в женскую. Агафья резко выбрасывала вперед руки. Такая привычка укоренилась у Агафангела. Следом притопывала Мария, копируя походку Агафьи. Вокруг смеялись. В народе ходила байка, дескать, Агафангел кулаками наземь чертей сшибает, а Агафья недобитых притаптывает. Веселухи, не дойдя до гостей несколько шагов, остановились и запели:

— Свет Сидор Поликарпович,
Сколько у тебя детей?

— Семеро, бабушка.
Семеро.

Семеро, Пахомовна,

Семеро.

— Свет Сидор Поликарпович,
Где будете хлеб брать?

— По миру, бабушка,
По миру...

Сусяк достал из кармана горсть монет и подал веселым подружкам.

— К сожалению, это было в действительности, отныне такого вы не увидите, — пообещал он. — Главное сейчас, подлинные хозяева Камчатки, не дать Совету конфисковать у всего населения деньги, имущество и скот!

— Как? — подскочил Иллариий. — Ишь, он!

Мужики яро зарокотали. Сусяк украдкой подмигнул Телятьевскому.

— Нет! Нет! И еще раз нет! Не позволим... не дадим... Мы понимаем, чтобы Совет не поднялся на ноги, надо на Камчатке ввести земство. И мы ходатайствовали перед Временным правительством о введении у нас земских учреждений!

— Во! — хлопнул в ладоши Полуэкт. — Я знал, так и будет.

— Так и будет, — повторил Сусяк. — Многое делает для камчадалов член Всероссийского учредительного собрания от нашей области социал-революционер Лавров! С консулом...

— Лавров? — насмешливо переспросил охотник из Верхнего Иван Казимирович, очевидец позора Емельяна Попова. — Да это первый обманщик! Вы же, люди, помните его обещания насчет рыбы!

— Братка, лиши его слова! — запротестовал Полуэкт. — Он не тутошний, баламут... Ой, меня Гаврила давит!

— Правильно сказал Иван Ерш! — замотал головой захмелевший Гаврила Мальцев. — Не того нам в благодетели суешь, начальник!.. Не бей меня в бок, Полуэкт.

Гуляние грозило разладиться. Слова Сусяка больно задели мельковчан. И тут Македоныч исподтишка стал натравлять народ на Илларию и его гостя.

— Верно! До посоха дойдем! — то и дело подзуживал он.

Коршунов, хитрый шельма, заметил старика, перебегающего от одного мужика к другому, и догадался.

"Допляшешься ты у меня", — зло подумал он, залез на скамейку и зычно крикнул:

— Слышите, люди, в этом году патронов тридцать на тридцать навряд ли завезу!

Голос Коршунова прошелся над головами и ударил, как выстрел. Все смолкли. Мужики оторопели.

— Шутишь, Карп Карпыч, — уныло произнес Андрей Бобряков. — Без винчестера куда мы?

— Не знаю... Наверное, из Америки новые винчестера завезут и

к ним патроны. Свенсон-то должен, хоть бы в этом, смилоститься. Не знаю... не знаю пока.

— Опять нам цены на ружье накинута, — трезво заговорил Гаврила Мальцев. — Мы к вам, Карп Карпыч, почти всю рухлядь в лавку снесли. Посочувствуйте.

— Сочувствую, но помочь ничем не могу. Прошу дорогого гостя быть посредником между нами и торговцами из Америки. Мы с Колесовым за всех отблагодарим вас...

— Спасибо за доверие. Я постараюсь выполнить просьбу купцов и крестьян, — ответил Сусяк, довольный Коршуновым. — А теперь пусть повеселится молодежь — наша смена. Новое время — новые танцы. Господин учитель, слово за вами!

Телятьевский о чем-то недолго пошептался с гармонистами, вышел на середину поляны и бойко скомандовал:

— Становись попарно на польку-мазурку! Дамы — справа! Кавалеры — слева! Музыка! Шаг...

В разгар лесного веселья к поляне притопал запоздавший хозяин Казенки, дряхлеющий медведь Минька. Его полуоблезлые бока вздувались подобно кузнечным мехам, из желтой беззубой пасти вырывалось тяжкое "охо-хо". В когтистых лапах хозяина была накрепко зажата длинная таловая подсуха. Минька встал у толстокорой, засохшей тополины и недоуменно уставился блеклыми глазенками на прыгающих людей.

— Охо-хо, — вздыхает Минька.

— Кавалеры — вправо, дамы — влево! Скок! — водит толпу туда-сюда бравый человек с чужим духом.

— Полька! — дружно орут Минькины кормильцы.

Скачущим, видать, сейчас не до него.

Минька, не бросая подсухи, направился к столу, откуда зазывно пахло едой.

Минька знает доброту людскую. Три года знает.

Отгуляв свою скоротечную молодость по рыбным речкам да по ягодным тундрам, растеряв медвежью силу в частых драках с неговорчивыми собратьями из-за нетерпеливых самок, он, немощным и стареньким, заявился в село. Дескать, вот и я! С нуждой пришел, теперь судите сами, убивать вам лесного старика или ставить на довольствие. Сельчане рассудили так: "Медведь мирный, скотинку не трогает, детям будет забавой. Пушай живет!"

Заполучив от общества кличку "Минька", медведь стал жить да поживать около приютивших его людей: днем на улице домашнюю нежную зелень пощипывает, приношения уплетает, а на ночь уходит восвояси, в Казенку.

Спокойная старость: его даже собаки-задиры не треплют за обливный зад, игриво облаив приبلудного, они пробегают мимо по своим собачьим надобностям.

Правда, по воле зажиточного мужика Нила Плотникова Миньке пришлось оставить село и жить только в Казенке.

Как-то Нил на сельском сходе важно заявил:

— Уважаемые земляки, уберите из селения свою Миньку, а то он мово Гуру на волю сманиват. Знайте, не к добру идет сманивание. С каждым днем звереет мой-то медведище, того и гляди, цепь порвет — беды наделает. Я вас, земляки, предупредил. Все. Чё плохое случится, я не ответчик.

Сход прикинул: что такому мужику супротив скажешь? Ничего. Многие от него зависимы, никак из займов не выпутаются. С городом дружбу водит, сам кум да сват купцам и старосте. Порешили: приучить Миньку жить в Казенке.

Живет косолапый — не тужит. Батовщики, проплывая мимо, выбрасывают на берег рыбу снёнку*, а медведь в благодарность научился собирать и подтаскивать к реке сушняк.

Приплыв на бату домой, хозяин обычно говорил: "Гляди, женка, тебе от Миньки дровишек привез".

...Топает Минька к столу. Вон кругленькому человечку с чужим запахом преподносят кормильцы разные шкурки; в обмен кругленький что-то вкусное подает, улыбается. Знает Минька людскую доброту, ой как знает! Тыкнул легонько в спину чужого подсухой, бросил к его ногам разменную ношу. Обернулся кругленький, закричал, схватил с боку гремящий подарок.

— Пух! Пах!

Семь раз обожгло Минькину грудь. В глазах крутанулась Казенка, погасло солнышко и... умолкли кормильцы.

Бабушка Евления дернула за рукав вздрагивающего всем телом Сусяка.

— Пошто Миньку-то шклал? Мирный он бул.

— Пошто, пошто, — вспыхнул захмелевший Иллариий. — Скажи, откуль нездешнему человеку знать, какой такой медведь нежданно-негаданно на поляну приплелся? Мог ведь этой чуркой и насмерть гостя дорогого пришибить, отвечай потом, не дай господь... Да какое твое-то старушечье дело?

— Чирьяк тебе, Ларка, в рот!

— Но-но, бунтовщица, тебе бы давно следовало туда же!

— Вот они — новые порядки! — задрал пепельную голову, выступил из толпы Македоныч. — Как язык-от на такое повернулся. Туда жа следоват...

Старики зароптали.

Иллариий спохватился, что чуток пересолил, начал выкарабкиваться:

— Что за несносная привычка у Македоныча — перебивать

* Снёнка — рыба, отлавливаемая икру.

разговор посередке. Пожил бы он у оленного народа, небось по-смирнее талинки бы сделался!

Перекрыл голос старосты плач с причитанием Катки, по прозвищу Невседома:

— Ой, Минька...

— Тьфу! — зло плюнул Иллорий. — Казаки, быстро уплавьте медведя на островок и закопайте. Хотел рассказать, да перебил Македоныч.

— А чё, братка? Расскажи, пожалуйста, — подмаслил брату Полуэкт.

— И расскажу! К слову приходится. Слушайте — кумекайте. Тундровые живут, конечно, не так, как мы. Нас жизнь связала веревочкой с пушным зверем да с рыбкой, их — с оленем. Были вы на Большой тундре? Молчите. Оленные там с места на место скачут. Кочуют: сегодня — здесь, а завтра — фью. Начальству со сбором ясака очень туго достается. О стариках и старухах говорить не приходится. Им жизнь — одна мука. Попробуй, покочуй по кочкастой мокрой тундре! Невмоготу старикам такая жизнь. Загвоздка у них со стариками вышла: не работают, но едят. Одевать их надо, место в юрте занимают, в дороге — большая обуза. Обмозговали старые люди да и решились: принимать добровольную смерть.

— Ты не врешь? — усомнился Македоныч.

— Какая мне прибыль от вранья? Не верите, вон свата Коршунова спросите, он не раз там бывал, облапошивал оленных, — ухмыльнулся Иллорий. — Там стариков быстренько к месту. Накинут петлю старухе на шею родники, выведут аркан через верхнее отверстие юрты, дерг — и готово. Ни мучений тебе, ни обузы.

— Страх-то, страх-то, — закрестились старухи.

— Я бывал... я знаю, — сонно протянул Коршунов.

— Чего с нехристями нас путаешь, насмешник, — огрызнулся Македоныч, повернулся спиной к столу и пошагал домой.

Старики разом, будто сговорившись, откололись от публики и цепочкой вытянулись за Македонычем.

На второй день гости верхом на лошадях выехали в деревушку Кырганик, стоящую от Милькова в восемнадцати верстах.

Иллорий вперед послал гонцов, чтобы заранее предупредить соседей о визите городского начальства. И кырганские рыбаки-охотники постарались, не ударили в грязь лицом.

На переправе через горную реку Кырганик стояли наготове новые баты, усталые медвежьими шкурами.

На берегу у балаганов толпилось все население, от мала до велика. Здесь раскинулся летний стан — рыбалка-кормилица.

Больше всего у реки, как заметил Сусяк, было собак.

Лай, крики, рев испуганных грудных детей слились в разногласный хор.

Гостей повели к столам, сколоченным на быструю руку из раздвоенных осиновых кругляков. Начальник из Петропавловска о чем-то спросил тутошного старосту Чуркина, тот не расслышал, замахал руками на людей, взволнованно зацокал:

— Бабы, уймите своих парнишек, из-за них нищего не слышать! Извините нас, начальники, если по не так сделали. По-гороцкому угостить не можем. Цем богаты, тем и радешеньки. Пожалуйста, присаживайтесь, угосцайтесь. Потцуйтесь.

Прибеднясь на словах, Чуркин на самом деле обед закатил с размахом, на всю камчадалскую кухню.

В кружках белел жирный тихтер*, еда охотников. Секрет его приготовления знают одни мужчины, ибо варится он только в дороге, на охоте. Достаточно съесть две ложки тихтера, чтобы насытиться на целый день. Вкусный!

На продолговатых противнях красовались цельные запеченные рыбы с необъяснимым названием "чуприк"**. Чуприк — древнее камчатское блюдо и исчезнет со стола камчадала тогда, когда в речках не станет рыбы.

Янтарная юкола грудями лежала у берестяных чумашков***, наполненных топленным медвежьим жиром. Юкола с жиром — камчатский хлеб-соль.

В мисках розовели большие смачные куски отваренной рыбы на холодную. На холодную варят "трепучую" рыбу, свежую, только что пойманную. Подают ее почти остывшей. Это повседневная еда.

На специальных досках-подносах наложили вымоченные хайковые, чавычьи головки и пупки**** посола прошлого года. Лососевые головки и пупки являются деликатесом.

На сковородках румянилась галга. Галгу стали готовить с появлением на Камчатке картофеля. Отваренный картофель и соленую рыбу толкут в корытце, затем с выжарками на жиру запекают на сковороде. Предшественником галги была ительменская толкуша — сылк-сылк.

В большом чумане наложена отварная картошка с вареной юхалой — вяленой пластинами рыбой.

Была тут и жареная рыба, которую называют просто — жарена. Из жарены делают сушенки. Сушенки толкут на порсу. Из порсы***** зимой варят супы.

* Тихтер — мучное блюдо (прожаренная на медвеьем сале мука, заваренная кипятком).

** Чуприк — целиком испеченная или жареная рыба.

*** Чумаш, чуман, чумашек — берестяной туес.****

**** Пупки (пупка, тёша) — жирная часть рыбьего брюха около нижних перьев.

***** Порса (порша) — рыбная мука.

Было также поставлено на столы тельно*, начиненное для гостей картошкой, для себя — по старинке — сараной.

Для стариков отдельно в чуманах подали мягкие, квашенные в свежей икре головки. Молодые их не едят — "сильно вонькие".

Водки на столе не видно, негде было взять. Зато ароматно парился чай, настоенный на сушеных лепестках шиповника. Шиповник здесь называют шипишняком, а лепестки и ягоды — арлучами.

Летом Кырганик весь становится розовым от арлучей, и его жителей так и прозвали в окрестных селах "арлучами".

Милюковский староста сидел рядом с Сусяком, знакомил гостя с местными блюдами, подсовывал лучшие куски, конечно, не забывал и себя. Он понимал, что Чуркин вывалил на стол весь свой припас. Рыба будет или нет, пока вилами на воде писано. В ловушки изредка попадались гонцы красницы. Так что по-камчадалски: сам останься голодным, но гостя накорми!

В трех шагах от стола, за спинами гостей, на таловой валежине, ловко пристроилась с годовалым ребенком жена старосты Чуркина, Секлетины. Она, приставив к настоуженному уху чумашком ладонь, жадно ловила неторопливые речи приезжих и, перемозговывая их в своей гладко причесанной голове, переливала все в подставленное ухо кривой Параньке, которая бойко бочком отчаливала к балагану, где с нетерпением ее ожидали принаряженные подруги.

— ...Должен вас, подлинных хозяев Камчатки, прямо-таки обрадовать: в усовершенствовании формы правления, то есть выборов начальства, революция в городе сделала большой прогресс, — протянул высокопарно Сусяк. — Будет он и у вас, только в другой форме.

— Должен вас, хозяйки на реке Камчатке, не порадовать: у начальства в городе ни с тово ни с сево появился большой продрес. Вот-вот будет и у вас в Кырганике, только в другом виде, — перемозговала Секлетины и наскоро влила в ухо Параньке.

— Ой, бабоньки, что там творится — не приведи господи. В городе у начальства большой понос. У нас, говорит сам-от, будет еще похлеще, — бойко Паранька выплеснула новость у балагана.

Ведут деловой разговор мужики. Шебаршит по траве стоптанными торбасами Паранька туда-сюда: от Секлетины к подругам и обратно. Но, к бабьему несчастью, разревелся у Секлетины ребенок. Она ему и разжеванную юколу в рот сует, и крепко к груди его прижимает — орет, не унимается.

* Тельно — растолченное рыбное мясо, из которого делают лепешки, котлеты, с добавлением муки, картофеля, овсянки.

— Сика, уйди с лялькой к балаганам! Ницего не понять! — крикнул с мольбой в голосе Чуркин.

Секлетины с досадой хлопнула ладошкой неугомонное дитя и слезла с валежины.

Паранька решила на самостоятельную добычу новостей. Молчком-бочком подкралась к столу, за спиной Сусяка вытянула шею, слушает...

— ...Нам война нужна до конца... Только так: пока германские полчища не будут рассеяны, свобода России не обеспечена...

После соленой рыбы Нила Плотникова потянуло на воду. Вот уже третью кружку наливает из чайника — и все не может утолить жажду. Разговор вокруг стола его не волнует: мол, где-то дерутся — пусть, ему какое дело?... Скучно. За спиной прошоркали торбаса. Глянь, сзади девка выгнулась бараньим рогом, подслушивает. Хвать ее левой рукой за подол: у той с испугу язык занемел; рванулась к балаганам — не тут-то было, крепка рука у мужика. Попалась Паранька, как микижа на крючок, пытается вырваться, да силенок не хватает. Подтянет ее к себе Нил, ущипнет — приотпустит руку, вновь подтянет — опять ущипнет... Паранька терпит — не кричит. По нечаянности Нил локтем задел стол, толкнул стоявший рядом чайник — кипятком коленку обожгло. Схватил в сердцах мужик кружку с чаем и плеснул под подол Параньке. Та вырвалась и припустила, было, мимо балагана, но сгорающие от любопытства подруги успели окружить ее.

— Чего там?

— Как сам-то баил?

— Куда они теперь?

Паранька, подобно застоялому коню, на одном месте переби-рала ногами и все порывалась куда-то бежать.

— До конца... до конца, бабы, — припевала она, — кипятком... кипятком... сволочь Нил...

На стане зашевелились. Бабы отхлынули от Параньки.

Сусяк, довольный, раздобревший, тяжело поднялся.

— От имени областного комитета общественной безопасности благодарю вас за прекрасную трапезу. Хорошо живете, мужики!

— Когда как. Год на год не попадает, — откровенно выпалил подслеповатый старик Пермиков. — В этом году вода начинает сильно беситься, поди, запоры на реке порвет, голодными останемся. Зима-то большеротая, все поест прошлогодние запасы, потом людей начнет жрать...

Чуркин испуганно зацокал:

— Цо ты? Цо ты!

Сусяк перебил:

— Рано плачешь, дед. Новая власть поможет вам в беде. Крепче

держитесь за нее. А теперь, хозяйева, хотелось бы посмотреть на ваше селение...

Гости, довольные угощением, медленно встали из-за стола, вскарабкались на лошадей.

Только кавалькада скрылась за первым балаганом, как на оставленную еду стаей налетела чумакая ребятня.

От реки до деревни версты три. Ехали не спеша. Сусяк достал толстый блокнот и со слов Чуркина что-то отмечал. Незаметно въехали в Кырганик. На завалинке кособокой избушки сидела старушка и самозабвенно тянула ительменскую ходилу — песню без слов. Несмотря на скрипучее пение, мелодия на слух была удивительной: порой в нее вплетались крики птиц и горлохрипение. Городского гостя заинтересовало.

— Переводчика найдите! — потребовал Сусяк.

Чуркин развернул коня.

— Сейчас мы его...

Мигом привезли старика Пермякова, сохранившего малую толику ительменского языка, и посадили толмачить. Диковинной певичке купец Коршунов дал глотнуть из фляжки ободряющего напитка, объяснил:

— Бо-о-льшой начальник. Давай пой, бабка.

Остатки подал старику Пермякову.

— Подбодрись, дед. Сделай настрой старухе.

Бакию — древний ительменский, довольно-таки откровенный танец, любовная пляска медведицы с медведем. Пермяков сбросил на траву пиджачишко и пошел скакать по-вороньи около расхолодившейся напарницы.

— Бакию, бакию! — выводила восьмидесятилетняя дама.

— Три ха-ха, три ха-ха! — вторил кавалер.

Сусяку захотелось, чтобы о нем сложили песню.

— Пой про меня, про Большого начальника.

Певичка поняла желание гостя, переключилась:

Ты молодой, а я старая.

Речка годов протекла между нами.

Ты — русский, я — ительменка,

Друг друга никак не понять...

В твоей груди — огонь, в моей — уголек.

Давай вместе...

Сусяк вдруг побледнел, развернулся и рванул в лесок.

Илларию струхнул, подтолкнул Чуркина.

— Беда, паря, обкормил ты его тихтером...

— Поцем знал, цо у него брюхо некрепкое...

После поездки в Кырганик три дня Илларию поил инспектора училищ отваром из терпких трав и вязкой коры. Помогло. Вылечил.

СИЛЬНАЯ ТРАВА

Утром, когда за Валагинским хребтом зажегся малиновый расцвет, от левого, домашнего, берега Антоновки отчалили два спаренных больших бата. На корме и на носу стояли с шестами лучшие батовщики села, а посередине на косматых шкурах развалились Илларию, казачок Кривые Ноги и инспектор училищ Сусяк.

Староста решил потешить гостя на охоте, показать медвежьи стада, лебяжьи стаи да попить на вольном зеленом просторе.

Крепкие руки ловко перебирают шесты. Летят баты. Блаженствует представитель города. Староста рад.

Немного погодя из речонки Мильковушки на маленьком батике вытолкался на Антоновку старик Македоныч. Он подплыл к другому берегу, немного спустился вниз по течению, простучал по затопленным тальникам и вплыл в Ковычу. Отсюда старик легко и быстро мог выйти на большую реку. У Камчатки много озер-стариц, которые в половодье соединяются со своей матерью-рекой.

Ранним утром в путь погнала Македоныча Сильная трава. В давние годы он знал сборщика ясака, пожилого каюра Ивана Карандашова с реки Авачи. Крепок был на руку Карандашов, его побаивались даже камчатские осилки, признанные в народе борцы. Рассказывают: каюр врезал себе в ладонь Сильную траву. О нем ходила добрая молва. Говорят, однажды на Карандашова напали немирные люди. Окружили каюра, злорадствуют. Вперед вышел почти голый с длинным ножом богатырь и сказал, что будет его резать, как домашнего оленя. Карандашов подпустил богатыря на размах руки да и заушенил ему. Не мирные моргнуть не успели, а богатырь мертв. Перепугались. Вдобавок Карандашов схватил с земли чурку, заревел: "Всех складу!" Немирные и разбежались.

Разве не может найти Сильной травы он, Македоныч! Вон на носу бата в мешке лежат коротенькие палки с гвоздями навывлет. Набьет их на сухую тополину, взберется до гнезда дятла и закупорит накрепко втулкой его птенцов. Полетит птичка искать способ вышибить клин. Найдет птичка Сильную траву, положит у гнезда, а тут и он, Македоныч. Ну, тогда берегись, Илларка!

Македоныч остановился на каменистом пологом берегу, "песке". До половины вытащил батик на сушу и, пробиваясь сквозь высоченную траву и колючий шиповник, направился в топольнике искать свое счастье. Тяжело идти, да толкает надежда: "Потерпи чуток. Дятел — птица приметная, невесть какой труд отыскать: по яркому наряду хорошо на дереве видится, начнет стучать по сушняку — за версту слышно".

Старик решил держаться ближе к берегу, где больше всего рос тальник, который не приносит столько мучений, как шиповник и

крапива. Выйдя к реке, он пошагал быстрее, на ходу оглядывая вершины тополей. Неожиданно трава разомкнулась, и Македоныч, ойкнув, скатился в скользкую яму, в которой обычно квасится рыба на зимний корм собакам.

Поохав, Македоныч попробовал встать. Тут-то он и увидел на вершине рядом стоящей сухой тополины красногрудого дятла. Старик кивнул ему головой:

— Здорово, шельмец!

Дятел побегал, покрутился по дереву и нырнул в маленькую дыру.

Обрадованный Македоныч быстрехонько выкарабкался из воючей ямы и по проторенной стежке затрусил рысцей к оставленному бату. Скоренько обернулся назад и давай палки вколачивать в дерево.

Дятел выпорхнул из гнезда, сел на ольху и беспокойно забегал по суку.

Старик хотел уже вбивать втулку в гнездо, как тревожный крик лебедей на озере Севу заставил его оглянуться.

По песчаному берегу озера носился с веслом Сусяк и наотмашь бил растерявшихся лебедей по длинным шеям.

А на бугре давился смехом довольный Иллариий.

Македоныч не стал смотреть, как городской начальник убивает красавцев природы, опомнился, заклинил гнездо и последней палкой запустил в ольху, укрывавшую дятла.

— Пшел, шельмец, отсюда за Сильной травой!

Старик спустился на землю, спрятался за ветвистую ольху. Увидев на стволе круглый нарост, срубил его, разделил топором на две половинки и, выстругивая рисунчатые ножны, стал ждать птицу.

Дятел скоро вернулся. Из клюва у него что-то торчало. Побегав вокруг ствола, он сел на клин, огляделся и улетел.

Македоныч торопливо положил в мешок оструганные ножны и осторожно полез по тополине. Но вдруг замер. Послышался треск кустов и радостные голоса.

Внизу залаяла собака. Люди подошли к дереву. И ударил хохот Иллариия:

— Глядите! Байбак соболя загнал на тополину.

— Где, где?

— Вон, вон, на вершине.

— Постойте, да это старичок-лесничок!

— Что он там делает?

Македоныч жалобно простонал:

— Да вот кто-то дупло птичье законопатил, надо клин вытащить.

— Стрекочи, сорока. На старость лет осилком-богатырем захотел сделаться. Сильную траву ищешь? А?

— Какая такая Сильная трава? — удивился Сусяк.

— Тут, господин инспектор, поверье такое, дескать, если заклинить гнездо дятла, то он может принести Сильную траву. А если ту траву взять да врезать в ладошку, так кулак твой станет тяжелым, что молот. Ударил кого-либо, значит, насмерть убил. Старый хрыч давно на меня руку поднимает, только кулак-то легонький, решил потяжелее сделать. Грешит старый хрыч перед законной властью. Старыми обычаями пугает. Тери... терию... теря... орист он!

— Сам ты теря-тетеря! Зачем коришь? — закричал сверху Македоныч. — Сам грессишь: линияющую птицу губишь. Руки, убивца, отсохнут!

— Молчать, колдун! Еретик! — загремел внизу гость. — Таких, как ты, на кострах живьем сжигали. Дровами его, казак, обкладывай. Я ему покажу терю-тетерю!

— Илларка, не бери грех на душу! Мне что! Я слезу, — взмолился Македоныч и поспешно стал спускаться к властям. У комля казачок Кривые Ноги огрел его плетью.

— Не перечь законной власти, член комитета безопасности для тебя что генерал!

— Генерал?! — рывнуло с тропы, и в тот же миг грохнулась оземь сухая талина, чуть-чуть не прибавив казачонка.

К нему подошел с окровавленным веслом взъяренный батовщик Кречетов.

— Был тут один генерал, да одна "генералка" осталась. А ты, колченогий, не трожь родника!

— Да бог с тобой, Клеонтыч. Пошутил он. Если посчитать, то Македоныч и мне родником в каком-то колене приходится, — забеспокоился Иллариий. — Что о нас начальство-то подумает?

Вспомнил староста: в прошлом году батовщики сплавляли в Устье по Камчатке какого-то сердитого начальника, именовавшего себя генералом. Горячий был тот человек! Матерно крыл батовщиков, грозился пристрелить, если не вовремя доставят на место. Наделал шуму на все село. Через день после отплытия из Милькова камчадалы вернулись, известив старосту, что у высокого яра за Кыргаником на водовороте генерал вылетел из бата и утонул... Теперь то место называют "генералкой". С Кречетовым лучше на спор не связываться. Силачи они. Младший их брат Иван выдвинут осилком от деревни Ключи, с американскими борцами бьется. Сколько их перетопил, не одну бочку спирта за победу выиграл населению у торговцев. Народ доволен им, обществом кормит, обществом одевает, знай себе силушку набирай Иван.

Иллариий выпутался:

— Чем яриться-то, взял бы помог старому человеку подняться вверх по реке. Гляди, вода как прибавляется. Ведь родником тебе приходится. А я сам свой бат поведу, гостя никому не доверю!

Македоныч засеменял по тропе. Клеонтыч, свирепо бросив к ногам Сусяка окровавленное весло, пошагал за стариком.

Иллариий на всякий случай вытоптал траву вокруг дерева: вдруг Македоныч обронил Сильную траву и вернется искать.

— Вы, господин инспектор, — залебезил он, — не принимайте все это близко к сердцу. Дикарь он, Кречетов-от. Ишь, черной масти. Много ительменской крови в нем. Этот народ науки не признает, начисто безграмотный. Твердит, будто бы произошли они от медведя, так как обезьянок здесь не было. От обезьянок, дескать, произошли материковские... Вам смешно. Так оно и есть — смешно! Пойдемте. Я сам буду толкаться на бату, аккуратненько доставлю домой. Извольте...

Возвратились под вечер усталые. Староста для гостей сотворил жаркую баньку, и сам пошел с ними париться. Любил он тешиться под березовым веником. Случается, позовет жену Кирьякию спину потереть, а сам как поддаст пару, та, бедная, на коленях к двери ползет.

Сусяк открыл дверь и круто вздернул голову, будто жеребец, осаженный лихим наездником.

— Ах-х-х, — выпустил он воздух. — Адово... адово.

— Разрешите, Павел Яковлевич, мне первому, — попросил Телятьевский и резво вошел в баню. — Так-так-так, — похлопал учитель по телу ладонями, как цыганский танцор. — Ых-ха!

Иллариий размочил веники, и все полезли на полоч. С первого пару Сусяк сполз вниз и пристроился у порога. Со второго пару он выскочил в предбанник. Телятьевский не сдавался. Надели рукавицы, обмотали головы полотенцами и пошли нахлестывать себя, что магометане-шииты на празднике Али Хусейна. Тут даже Иллариий не вытерпел и лбом растворил двери, за ним в предбанник вывалился Телятьевский.

— Славная банька. Кваску бы теперь...

Иллариий, надернув на голое тело штаны, выскочил из предбанника и заспешил к дому. В сенях он быстренько нацедил из бочонка в туесок холодный клюквенный сок и крикнул в избу:

— Мать, слышишь, приготавливай на ужин. Я их здорово... Я побежал...

У бани его остановил разговор гостей. Залюбопытствовал. Тихонько встал у стенки и стал слушать.

Сусяк, тяжело отдуваясь, глухо ронял слова:

— Просчитались мы с учительским съездом... фу-фу-фу... Понадеялись на деревенскую интеллигенцию, а она, сволота, подвела... хо-хо-хо...

— И на кой ляд вам сдался тогда учительский съезд! — бодро засмеялся Телятьевский. — Знаю, они не только на съезд, но и на занятия не являлись. Через газету вы их умоляли посещать свой шабаш, а они начхали.

— Думали, нашей опорой станут, агитацию поведут... эхе-хе...

— Учителя — агитацию? Да они — нищета, голы! К Советам потянутся.

— Вы, господа офицеры, наша надежда... фу-фу-фу... коренитесь. Почти по всей долине... Не угодных в преисподнюю... хо-хо-хо... Хозяина хорошо прощупай...

Иллариий попятился назад, угодил в картофельную яму, облив себя с головы до ног клюквенным соком. Бойко выскочив, бросился к дому.

— Ну и ну, послал господь гостей, — перекрестясь, прошептал он в сенях. Увидев через отворенную дверь ненакрытый стол, закричал:

— Кирьякия, быстро еду с брагой! Ползаешь, как мокрая курица!

Кирьякия забегала, засуетилась. Вскоре в избу вошли раскрасневшиеся гости.

— Настоящая банька у тебя, хозяин! — похвалил Сусяк Илларию. — Не грех после нее и чарочку опрокинуть... фу-фу-фу...

Хозяин незаметно скользнул в горницу, приоделся и вернулся сияющий, сладкоголосый. Угощал он на славу.

Назавтра инспектор училищ Сусяк посетил церковно-приходскую школу и важно походил по селу. А после полудня, нагрузив лошадей мехами-подарками, довольный, отбыл в Верхне-Камчатск.

ЯРОВОДЬЕ

Вода в Камчатке прибывала прямо-таки на глазах. Взъяренная река от быстрого бега рвала берега-поводья, она безумно врывалась в леса, в селения и с ревом тащила на своей черной широкой спине мусор, деревья, животных.

На второй день после отъезда Сусяка из Милькова, ночью, притока Камчатки Антоновка скovyрнула с берега шестистенную избу Нила Плотникова. На другую ночь подмыла еще две избы и унесла амбарушку дьячка Агафангела.

Македоныч с родником Кречетовым первыми взялись перетаскивать свои амбары на новое место, подальше от яра. Мужики, глядя на них, забеспокоились, стали донимать их вопросом, что же дальше будет.

Ответы старика жгли, как горящие угли:

— Было, было такое на памяти. Не помнил бы — не перетаскивался бы на дальнее расстояние. Не слушались Македоныча. Забыли старину — вот вам! Я давно приметил: горы до нагиша раздеваются, теперича пойдет ломить-крушить селению, пока не выйдет

на Долгую улицу. Надо бы молебен заказать, да Агафангел не то напоеет. По старинке не сумеет — больше беды накличет.

— Надо бы молебен, — заскребли в затылках мужики.

И тут в Мильково появился святой отец Астапчук — громадный, что тополина, лохматый, как медведь. Мощным басом отслужил он молебен, заполучил от общества телку и поселился в пустующем доме Емельяна Попова.

Но вода в Камчатке не спадала.

Скоро Катька-Невседома, поставленная старостой прибираться в избе священника, пожаловалась жене Илларию Кирияки:

— Прямо-таки медведь, всю замучил... Скажи своему мужику, что больше не пойду к Астапчуку. Ну, его...

Староста не стал обращать внимания на внецерковные дела Астапчука. Вон зимой ездил по долине отец Нестор, остановился в Ключах, скольких девок перепортил, а мехов на целую нарту собрал. Пожаловались в город, а что толку из этого вышло: только гнев властей ключевские на себя навлекли. На Камчатке все творится от имени Христа. Лучше не связываться с духовными пастырями, отрекут от церкви, ославят... Правда, от поповского любвеобилия случаются неприятности. На днях верхнекамчатский нехристь Ерш съехидничал: "У нас в Милькове скоро, как в Ключах, по улице попятя забегают. Вырастут — палкой в лес на охоту не загонишь. Будут горланить: "Отче наш еси... Мир, мяса неси, мир, рыбу неси, а сам дулю соси..." В Ершовских словах хоть и правда, но Ерш — нехристь! Язык у него, что коса.

— Ну не сволочной ли мужик! — грозился Иллариий. — Надо же! На святого отца такое говорить! Дай прийти времечку, доберусь до тебя, Ерш!

Наступила страдная пора.

Вода хоть и ломала запоры, но люди не бросали рыбалку. Работали артельно. Никто даже на ночь не уходил в село. Спали в балаганах — маленьких избушках, поднятых на высокие столбы.

И Македонычу не сиделось дома. Пошел он на рыбалку помогать снохе — распластывать рыбу. Усердствовал, не разгибая спины, целый день. Как всегда, к вечеру Катерина пошла домой доить корову. На ходу она бросила:

— Отец, ночуйте в балагане, я сегодня не приду, картошку надо утром окучить.

— Волюшка твоя... Один поработаю.

Македоныч жалел невестку. Молодица ядреная, кровь играет, а куда пойдешь себя ублажить — году нет со дня кончины мужа. Сочувствует ей свекор. Поужинав с рыбаками за общим котлом, отправился он на покой. Ночью балаган качнулся. Македоныч навострил ухо и услышал, как кто-то тяжело поднимается по лесенке. Замер старик. "Сноха хоть и ядреная, но полегше будет..." —

размыслил он. Дверца отворилась. Заглянула гулливая луна и тут же скрылась за огромной фигурой.

"Медведь!" — струхнул дед.

Но ночной гость сладко зашептал:

— Катя, Катюша, Катря, Катерина...

Македоныча бросило в дрожь. Две ручищи обхватили его кукуль, сдавили в объятиях. Македоныч заверещал:

— Караул! Спасите, люди добрые!

Гость хлобыстнулся о притолоку, не попав ногой на лестницу, грохнулся оземь и со стоном уполз в прибрежный топольник.

Ни завтра, ни послезавтра отец Астапчук в церкви не служил, а читал молитвы Агафангел.

В селе ехидно шушукались: с перепугу дед чуть было попа не угробил!

Астапчук с той поры начал сторониться Македоныча, тот тоже не попадался ему на глаза, на ночь запускал в сени двух злых собак.

А Македоныч голову потерял, подыскивая способ вновь утвердить свое положение на селе. Да разве найдешь этот способ, если все пошло прахом — и старина, и ее порядки, и ее заветы. Вроде бы все оставалось в Милькове по-прежнему, но будто незаметный ветер прокрался в селение и начал исподволь источать людское доверие к старине и к нему, Македонычу.

Погрустнел старик.

В тот ясный июльский день старосте Илларию было дано: удивиться, испугаться и возрадоваться. Рано утром он пошел следом за стариком Македонычем. Давненько стал замечать за ним новую привычку: на первой заре уходить втихомолку на Едому. Чего ему там надобно? Сенокосы по падушкам чужие. Собирать жимолость? Так она уже осыпалась. Заготавливать дрова? Сушняк рядом по Антоновке полно. Тут что-то не так! Не в шутку было сказано Сусяком, что староста, дескать, глаза и уши Мильково!

На заливной кулиге* Македоныч, вытянув шею, огляделся и, как глухарь, исчез в траве.

Преследователь завертелся, забежал на горку Едому, приложился ухом к земле. Треск веток доносился от заброшенного сенокоса покойного батюшки Иринарха. Иллариий вскочил, пролез сквозь кустарник к поляне и обомлел: около коряги, на верхушке которой была насажена шляпа, прыгал дед, размахивая руками. Подобно линялому чирку, он никак не мог оторваться от земли. Когда староста повнимательнее рассмотрел корягу и расслышал слова, то испугался. Старик на чем свет стоит честил комиссара:

* Кулига — участок нескошенной травы.

— Лавров! Лавров? Да ты скорее Лаврушка-болтушка! Из-за тебя каждый год остаемся голодными. Приедешь к нам, наобещаешь всяких благ земных, нахапаешь задарма собольих шкур и поминай тебя, как звали. Купцы за так нам товар не дают. Не человеческую кличку-то заимел — Есер. Ну и будь Есером. Тьфу!

Старик плюнул на корягу и, возбужденный, отправился к большому пню, заросшему наполовину мхом. С пня свисала собачья цепь, на которой была прикреплена продолговатая жестянка.

Македоныч ткнул в пень и отскочил:

— Доброго здоровичка, батюшка! — воскликнул он.

От сдавленного смеха Иллариий закусил губы. Вспомнилось ему ночное посещение попом стариковского балаганчика.

— Кобель ты, но никак не поп! — неистовствовал Македоныч. — В церкви базлаешь, а не служишь. Ловко я тогда тебя с балагана-та сбросил, поди, штаны отяжелели. Я сразу чухнул, что примазался ты, Астапчук, к церкви без посвящения и назначения. Притопал с Хайрюзова, а архиерей-та в городе живет-поживает и не ведает ничего! Кого задумал надуть? Меня? Вот уж черти-та тебя присмолят!

Дед кресалом выбил огонь, зажег бересту на палке и давай ею тыкать в пень.

— Это тебе за грехи! Это тебе за обиды! На, на, на!...

Македоныч распалился. Он раздвинул около коряги-Лаврова высокую траву. Там оказалась обрубленная наклапина с круглым наростом у конца. Разъяренный, он выдернул из кустов рваный кафтан и накинул на наклапину. Иллариий сразу признал свою одежду. Еще весной он забросил в соседский огород этот непригодный кафтан, а Македоныч, видать, подобрал. Старосту зябко передернуло от злого шепота Македоныча, лоб будто росой обдало.

— Что, Илларка, согнулся, как баран* на нарте? Начальника Лаврова встретил? Ползешь перед ним побитой собакой... Кого со счетов сбросил? Я был уважаемым человеком, на сельском сходе первый голос имел. Ты меня, гадина, опозорил... Забыл, чай?

Нет, не забыл, если по совести говорить, помнит Иллариий падение Македоныча, сам с высоты его столкнул, чтобы крепче самому стоять.

Дед снял ремень, задрал на березе кафтанишко и принялся хлестать по наросту.

— Дай-ка маненько попарю, спесь-та собою, гордыню-та повыколочу, ума-та прибавлю!

Иллариий кашлянул. Старик подпрыгнул с испугу, присел на корточки, нутужился.

* Баран — деревянная дуга на передке нарты.

— Думаю, чего дед на Едоме околачивается? Аль беда? — заговорил староста, выходя из укрытия.

— Катря недоваренной рыбой обкормила, с нее и мучаюсь.

— А это что? Театр?

— Высмотрел-таки, ворон! Илларка, ты хуже зверя. Пойми, где мне излить свою боль стариковскую? Смейся, копай мне яму, может быть, сам в нее свалишься!

— Мне, паря, от твоей игры ни шатко ни валко, вот Астапчук с амвона ненароком тебя заденет, не говоря уж о комиссаре Лаврове; тот сразу в каталажку, как пить дать, и потом — на край земли, если он после Камчатки имеется. Эх, Македоныч, — вдруг смягчился голосом Иллариий, — ты вот забыл, наверно, а я нет, что родники мы с тобой. Земляки...

Македоныч вытаращил глаза, опешил. Уж больно быстро перешел Илларка от суровых угроз к такому сладкому елею. Не знал он, что у старосты есть дума одна, которую долго вынашивал.

— Родники, — продолжал Иллариий, — поэтому, так и быть, никому не скажу, никому не доложу. Вот так-то, родник! Прошу, ответь мне, Македоныч, увидим ли мы нынче хайка*? Больно вода в Камчатке дурит...

— Не сомлевайся, паря, увидим! В тальниках беленькие мушки, что твой снег, упали на ветки... Их раньше так и называли, хаечками, потому как они — посланцы рыбы-хайка. Если мушек много, то, значит, с рыбой всю зиму будем... Только надо знать, где ловить в этом годе. Никто не знает, а я знаю! Ну и если я промолчу, тогда хайка никому не видать! — колоче засмеялся старик.

Иллариий от едкого хохота старика выпучил глаза.

— Как так не видать? Запоры уже на Среднем готовят. Хорошо красная там шла... Не видать! Ишь ты! Я буду разговаривать с городом, слышь: о твоих чурках и вспомню или нечаянно Астапчука на сенокос наведу, — застрашал староста.

— Звони! Наводи! Мне скоро помирать.

— Брось выдумывать, Македоныч, ты еще крепкой! Посовестись, подумай об обществе. Люди на зиму без хайка останутся. Что тогда? Земляки и родники они нам. Давай по рукам. Начальству не доложу. Астапчука отдернем... Как?

— Ишь хитрый-митрий! Откроюсь, а ты меня после не заметишь, так ведь?

— Чего так... Люди-то при чем?

— Ладно, — вздохнул Македоныч. — Ради людей открою секрет. Мне что... ради людей можно. Помнишь: застали меня на тополине, когда я вызволял птенцов?

* Хайко (кайко) (камчад.) — кета.

— Ну?

— Тогда я приплыл не по Камчатке, а по Ковыче.

— Хе, ядреный корень, там же тальником все поросло и сухо!

— В старое русло вода пошла. Понятно? А это значит: хайко на реку Среднюю не пойдет, свернет в сторону. Так что, пока не поздно, перетаскивайте запоры на Переходчик, впереди Ковычи ставьте!.. Я до половодья такое предполагал.

— Мудришь ты что-то, — не поверил Иллариий. — Предполага-а-л.

— Предполагал! До прибыльной воды на том самом месте утка-каменушка круто свернула с реки. Такая утка никогда добровольно с воды на сушу через лес таким образом не полетит, а если полетит — то быть по ее черте новому руслу.

Македоныч провел ребром ладони по овлажнелому лбу, на руке осталась зеленая с белыми прожилками слизь. Понюхал.

— Тьфу!..

Вверху прошумело, пробулькало. Иллариий задрал голову.

— Во-он ворона, мерзкая тварина, на вершине сидела, это она тебе так ловко на лицо нагадила.

— Не ворона это.

— Да ты что, слепой? Скажи кому-нибудь другому, хотя бы вон тому пню: не ворона! Вижу я...

— Не видишь ты... Глянь хорошенько — ворон летит. Ворон крупнее вороны, хвост у него клином, у вороны — полукруглый, наподобие ламутского фартука-нелли.

Ворон не каркает, а булькает, как Полуэкт при разговоре. Раньше священной птицей на Камчатке...

Выведав у старика все нужное, Иллариий круто изменился. Потерял интерес к роднику. Преобразился, посуровел. Староста ведь!

— Раньше, раньше, кончилось "раньше".

Достал часы, внимательно поглядел на циферблат, а потом на солнышко.

— Хм, опаздывает сегодня солнце против настоящих часов.

— Как? — удивился старик.

— А так: зачем брата с вороном роднишь?.. И вот что... ты мне уток-каменушек в голову не пускай. Без тебя все знаю! И с театром кончай — не долго в капкан угодить... Все?

Македоныч понял, что к чему. Сник.

— Все. Теперь делай со мной, как знаешь. Время назад не ходит. Эх, ослабел я, выпустил уздечку из рук, и сбросила меня уросливая судьба-кобыла с высокой спины, а ты, Илларка, вскочил на нее... Властвуй...

Так на Едоме в этот день староста порвал тонкую нить старины.

На следующее утро Македоныч в доме Иллариия мастерил для хозяина искусное кресло со старинной резьбой.

ПОХОД

Иллариий крепко прижал к волосатому уху телефонную трубку, долго слушал, потом испуганно крикнул жене:

— Э... э... эй! Кирыкия, быстро беги, зови мужиков! Кажись, война!

Жена, всплеснув руками, бросилась к двери.

Вскоре всю избу наполнили охотники. Галдящие бабы облепили окна. Хозяин нацепил на грудь старостовскую медаль, поднял важно правую руку. Все замерли.

— Дедушка Македоныч, ты самый старшой, возьми-ка трубку-то да мужикам и говори, чего нам начальники извещают.

Польщенный Македоныч под одобрительные возгласы земляков робко взял говорящую диковинку и вскрикнул:

— Ой! Кто там?

Тут он побледнел и выронил трубку. Иллариий топнул:

— Тьфу ты, беспуть!

Старик снова приложил к уху черную говорящую штуковину.

— А-а, это вы, значит, господин Рыбкин. Как же, как же, помню, помню вас... Сказать мужикам? Слушайте все! Солдаты в городе ходят по магазинам и-и граблют, и-и бьют жителей!

— Господи, бабам-то какой страх, — запричитала Катька-Невседома.

— Цыц, ты, дикоплешая! Как сюда попала? Вытолкайте ее за двери! Продолжай! — загремел староста.

— Так вот, просят население ехать в Петропавловскую губу, как-та помочь областному комитету разогнать этот новый Совет депутатов и перебить солдат!

Старик учтиво поклонился трубке и передал ее Илларию. Тот заелозил:

— Все понятно... все сделаем... всех пошлю... вечером вы позвоните, а мне доложить — сколько людей выйдет на помощь. Будьте здоровы.

Староста бережно положил виновницу суматохи на черные рогатульки, вопрошающе бросил в стихшую толпу:

— Дело срочное, христиане. Муку поворачуют, начальство перебьют. Да што ли нет на нас крестов?

— Рунный ход хайка вот-вот должен пойти, как бы не остаться без соленки. Пора и кислую заготовлять для собак, — вымолвил Андрей Акиндинович. — Не вовремя эта самая война.

— Что ты, уважаемый человек, оступаешься? — забеспокоился Иллариий. — Помнишь, как быстро мы ипошек разгромили? Сам же ходил их лупить. Командира Гундзу пленили, в Мильково приволокли с его доктором. Кресты-медали нам дали. Как браво пели, когда шли по Долгой улице! Слава-то какая была! А наши еще

деды ходили в Петропавловскую губу давать по шеям англе и французишкам. А теперь скисли? Опростоволосимся, мужики!

— Не думай о нас плохое, Илларий, — пробасил Анисим Михайлов.

— Возьмем их! Продырявим их! Прикончим! Раздавим! — плеснуло по сторонам.

Вы послушайте, стрелочки,
Я вам песенку спою.

Ой, ли!
Поднял над толпой вечный запеваля Костя Решетников славную походную песню отцов и детей.

Ой, да люли!
Я вам песенку спою.

Грохнуло многоглоточное строптивное Мильково. Взбурлила крестьянская казачья, ительменская дикарская кровь!

Я вам песенку спою
Да про службищу, про свою.

Ой, ли!
Ой, да люли,

Про службищу, про свою!

Закачалась толстостенная изба старосты. Хозяин сначала выпрямился, обрадовался, потом испугался, замахал руками.

Куда там! Раззудилось тело, запело — не унять!
Три мы годика служили,

Ни о чем да не тужили.
Ой, ли!

Ой, да люли!
Ни о чем да не тужили!..

На запеве лопнули оконные рамы, и на головы мужиков с воплями упала бабья толпа, придавив воинственную песнь кормильцев.

— Куда вы, оглашенные?
— Как мы теперь?..

— Господи, образумь их!
Илларий вскочил на табуретку, взвизгнул:

— Тише вы, дикошары!

Его визг проплыл в сумасшедшем гвалте сельчан, не затронув никого. Тогда он схватил со стены дробовик и сразу двумя стволами бабахнул во вспотевший потолок, прикончив бунтарскую бабью атаку.

— Люди! Люди, не сомлевайтесь. Я тут останусь. Кырганские, машуровские родники помогут мне. Сам знаю, что бабы — не мужики, куда им — слабенькие! Закреплю за всеми семьями мужиков.

— Закреплять-то закрепляй, да поглядывай! — предупредил Гаврила Мальцев.

— Не сомлевайтесь, земляки. Я тут присмотрю! Писарь Колька пусть всех вас отметит на бумаге...

Расплавленная толпа с гоготаньем, с воплями, с руганью потекла в двери и окна обшарканной избы.

Вечером взволнованный староста обрадованно докладывал в телефонную трубку:

— Как есть до ниточки — все семьдесят пять охотников, все с ружьями... Теперича делают медные кресты, это значит, чтобы пришить на рубахи и шапки. Наши деды в восемьсот пятьдесят четвертом году так ходили в Петропавловскую губу бить ан... англ... англы... вот-вот англичан с французом... Меня наградить? Ой, что вы... Премного благодарен вам. Постараюсь еще добавить людей. Спасибо. Еще раз спасибо! Будьте здоровенькие... Э-эй, Кирьякия Петровна, зови в гости батюшку Астапчука, купцов Колесова с Коршуновым да Плотниковых с Потаповыми, каких — сама знаешь, не перепутай голик с веником! Все пусть приходят с женушками. Найми баб вымыть полы. Пеките всего, чтобы столы прогнулись.

Илларий достал часы, посмотрел на них и присвистнул.

— Я пойду на берег, остыну. Ое-ей, знаешь, с кем разговаривал я? Не с кем-нибудь, — застучал хозяин согнутым пальцем с большим ногтем по голове жены, — с председателем областного комитета Пуриным баил. После... с кем бы ты думала? С самим Лавровым! Тьфу ты! Что не радуешься? Да где тебе, нейма, чурка с глазами, понять меня. Делай быстро — как приказал!

Солнце прокатилось по Черной сопке и упряталось где-то в Матвеевской пади. Из печных труб столбами поднялся дым. Запахло шаньгами, калачами, рыбными и ягодными пирогами. Желушки пекли, мужья снаряжались в дорогу. Кругом шло прощание. Никто не пил хмельной голубичной настойки. Нельзя в рабочее время прохлаждаться и бражничать — срам. Можно побаловаться настойкой только в большие праздники, на свадьбах да с окончанием осенних работ.

Война — не праздник. Чаевали до десятого поту.

А прощальная ночка была сладкая и слезная.

За околицей Милькова целовались парни с милашками. На берегу в избушке мужик бил жену "на всякий случай", приговаривая:

— Не балуй, не балуй!..

А в доме старосты шумела достопочтенная компания. Гуляла, орала:

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек
Заплачет вся моя семья...

Грустно выводил хозяин запев, слезно подхватывали гости. Батюшка Астапчук был в кураже. Исподтишка ущипнув хозяйку за ногу, поднял ковш, с брагой.

— По рюмашечке сотворихимо. Ради праздничка согрешихимо. Аминь!

Гости дружно звякнули стаканами и вновь затыкнули:

Коляска к дому подкатила,
Колесья о землю стучат.

Стук в дверь расстроил горестное пение. Илларию откинул крючок. В избу впорхнул сухонький дьячок Агафангел. Коршунов ехидно пошутил:

— Ты, Агафангел, да не архангел. Залетела ворона не в свои хоромы.

Купчихи затряслись от смеха, достали из рукавов беленькие платочки и вытерли набежавшие слезы. Незванный гость сконфузился.

— Ерш с Верхнего приплыл, охотников недозволенным словом тревожит. Дескать, дурачьи ваши головы, собираетесь воевать, да не с теми, против своих освободителей идете...

— Опять этот Ерш ерепенется! Его отцу-буяну ноздри вырвали, батогами увечили. Этого тоже надо бы к ногтю, — ощерился хозяин. — Ну и проклятущее гнездо! Зачем он с Верхнекамчатска в такое время прикатил! — стукнул кулаком по столу Илларию.

Пьяный батюшка, крикнув по-утиному, поднялся из-за стола, весело взял под руки хозяина с дьячком и вывел в прихожую.

— Поднеси-ка, хозяин добрый, моему собрату божьему стаканчик зельюшка. Мне мыслишка залетела в уши. Подноси, подноси — окупится. Пей, брат Агафангел, не серчай на ближнего. Бог с ним. До сих пор обидно за тебя, как Ерш при народе обозвал вороной! Дескать, каркает с амвона, как ворона. С пятого на десятое читает, а чего и сам не знает. Ишь, какой!.. Ты духовное лицо — не ему чета... безбожнику. Надо бы проучить прохвоста! Люди против антихристов собираются идти, а он на их дороге в свой колокол лупит, с праведного пути сбивает. Завтра Нил Плотников медведя Гуру убивать станет, — перешел на шепот поп. — Больно озверел лохматый, на прохожих кидается, цепь железная не держит. У кого Ерш-то ершится сегодня?

— У Андрея Бобрякова.

— Ты, Агафангел Вонифатьевич, ему обиду не прощай. Проводи его к сестре Анисье через двор Плотникова, пусть обидчик покумится с медведем.

Агафангел замялся.

— Он ходит всегда с винчестером и с собакой-волком...

— Будет дуться-то на меня, прости, коли что не так, — вплыл в разговор Илларию, — если постараться, то собаку-волка можно в сенях запереть. Кинь ей косточку, сам быстро... На-ко прими, друг, стаканчик-посошок. Завтра убью быка, не скачет, старый... приходи за мясом...

Дьячок вышел на улицу, стал доставать кисет с нюхательным табаком — прошкой; на землю выпали из кармана две золотые монетки.

— Ишь, как вышло: сначала оскорбили, потом одарили, — удивился Агафангел. — Знать, сверху легче бить и гладить.

В избу Бобряковых он вошел, когда Анна Яковлевна ставила на стол в третий раз ведерный самовар. Гостило у них пятеро мужиков-вдовцов. Ерш встретил дьячка весело:

— Голенький "ох", а за голеньким бог...

— Не богохульствуй, Иван Казимирович, — перебил его Андрей Акиндинович. — Садись с нами чаевничать, Агафангел Вонифатьевич.

— Спасибо на добром слове, хозяин. Некогда мне, тороплюсь. Забежал Ивану Казимировичу сказать, что сестра Анисья, моя сердобольная соседка, просила передать брату, что ждет его не дождется. А он, непутевый брат, разговорами в чужих домах прохлаждается.

— Не торопи его, Агафангел Вонифатьевич, — попросил дьячка вдовый Максим Карандашов и обратился к Ершу: — Слышь, разбередил ты наши души, Иван. Часто ездешь в город — говорить наловчился. Слова твои нам в дивность, что за ними — бог лишь ведает. Мы подневольны. Взять, к примеру, меня: я маленькую ляльку отдал на прокорм соседке, а сам — за ружье да на охоту, не на зверя — на человека. Нам как скажут... Мой дед убивал англичан и французов, те приплыли завоевывать Камчатку; отец убивал ипонцев, те тоже приплывали, чтобы прикарманить нашу землю. Я иду убивать людей, о которых начальство баит, что они хотят разорить нашу Камчатку. Ты говоришь: эти люди свои... В своих я стрелять не стану. Но ведь начальство как говорит? Выходит, тебе поверь, а начальству нет?

Ерш тяжело вздохнул:

— Темень... Как вам пояснить? За один раз не дойдет. Слишком все наскоро состряпали. До обеда семьдесят пять охотников направлялось на бойню, а к вечеру Илларию на радостях, что его награлят, еще семьдесят пять человек наскреб. Всех мужиков с парнями поставил под ружье. Оголили Мильково. Рыбу упустите. Голодовка у нас будет зимой. Поверьте мне на слово: вся эта затея — дело плохих людей. Заварите вы кашу...

— Постой, постой, Казимирыч, — остановил хозяин верхнекамчатского гостя. — Ты баил: сколько у нас торговцев?

— Постоянных-то двести торговых предприятий да развозного торго сто двадцать с гаком. Многие из них иностранным купцам принадлежат... А что?

— А то! Если сделать по-твоему — прикрыть иностранные и купеческие лавки, так скажи тогда, чем Советы будут кормить и одевать население? Век около купцов кормились. Мука, патроны, соль, одежда — все у них! Чё теперь скажешь?

— Найдут выход. Советы выбраны народом, он и поможет.

— Хи! Народ! — засмеялся Карандашов. — Это чё, верхнекамчатский народ мне патроны с мукой принесет? На дескать, ешь, Максим, стреляй, Максим, небось, не оскудеем. Вы и сейчас-то впроголодь живете...

— Конь в кормушку башку сунет, жует, а сам думает, что на свете кроме этой кормушки ничего уже нет. Так и ты, Максим Карандашов. Ты думаешь, Камчатка — вся земля на белом свете, да? А Россия! Россия на богатых поднялась! Вся Большая земля. И Советы с Большой земли нас в беде не оставят!

— Это ты мне говоришь. Ты попробуй всему населению растолковать свою правоту. Твоими словами брюхо не насытишь. Сам знаешь: сколько раз Камчатка голодала, скольких высохших людей на кладбище снесли. Теперь крестьянин ко всему с охуем подходит, а ты пока — с одними словами.

— Населению я растолкую. Завтра буду говорить перед всеми. Не сумею убедить — поперек пути лягу. Чем с бухты-барахты идти воевать, послали бы своих делегатов в город. Те вернутся и скажут, что я вам правду говорю.

— Бунтарь ты, Иван Казимирович. Дедов корень в тебе сидит. Прости. Мы-то что? Начальство неволит.

— А вы почитайте втихаря листочки, которые я вам принес от Советов. обстоятельно поговорите друг с другом, и посветлеет в башках-то...

— Ладно. Почитаем. Поговорим.

Стали собираться по домам. Иван Казимирович поднялся из-за стола.

— Хозяюшка, спасибо вам за чай. Андрей Акиндинович, благодарствую за гостеприимство. Верно тут Агафангел подметил: непутевый брат, сестру обошел стороной, разговорами увлекся. Идем, идем, посланничек. До свидания, земляки, — заторопился Ерш.

На улице смеркалось. Косматые тучи сливались в один черный полог. С реки потянуло густой прохладой. В топольнике доуковывала кукушка. Иван Казимирович взял под руку Агафангела.

— Не серчай на меня, Агафангел Вонифатьевич, за колкие слова. Вот иду сейчас с тобой рядышком и думаю: какой ты неудачливый. Служишь в церкви ревностно, а весь твой заработок идет в карман Астапчуку, все приношения от мельковчан

забирает он, тебе от него попадают лишь подачки жиденские. Восстанешь — выгонят из церкви. В грамоте хромаешь, всю службу по памяти ведешь. Вздумаешь к крестьянам уйти — хил: на рыбалке бариш — молот не поднимешь, на охоте от медведя убежишь. Жену с детишками чем-то надо кормить, оттого и хитришь: перед богатыми виляешь душой, перед бедными — в наставники лезешь. Завтра охотники собираются идти на Советы войной. Дураки. Эх, темнота! Перековать нашу жизнь умные люди взялись, чтобы не гнулись мы да не ломались, а вы жар-огонь ихний тушите. Своего сынка Казимира пошлю к ним... Ну, прощай, Агафангел Вонифатьевич, заговорил я тебя, — пожал руку Агафангелу Иван-Ерш.

Прошел он немного в одиночку и вдруг от сильного удара в спину упал... Перед ним на дыбах стоял огромный медведь. Вскочив на ноги, Ерш, что есть силы, ударил зверину прикладом по голове. Приклад разлетелся. Медведь взревел, схватил когтистой лапой затылок Ерша, содрал кожу и закрыл ему лицо. Боль обожгла Ерша, полымем вспыхнула ночь, закачалась и потухла. Но лязг зубов, храп и рычание привели в чувство Ерша.

Руки нащупали ствол ружья. Ерш откинул с глаз кожаный лоскут. Верный единоборствовал с лохматым великаном. Вот он взметнулся в воздух, чтобы впиться в горло, но страшный удар медведя опрокинул собаку навзничь. Гроыхнул запоздалый выстрел.

Ерш разорвал рубаху, перевязал голову и, шатаясь, побрел к дому сестры Анисьи. Тропа шла по высокому яру Антоновки. Печущая река усыпляла капризное Мильково.

Ерш захотел сменить набухшую кровью повязку, но закачалась земля. В правый бок сильно ткнулась острая жердина... И оторвался человек от берега, полетел в объятия поющей Антоновки.

Черной росомарой по берегу убегала мелкая тень убийцы.

В блеклую полночь в огромном пригоне старосты святой отец наставлял коров и быков на ратные подвиги:

— Не подкачайте, христиане, не осрамите святую церковь! В пузо их, антихристов! Вот так краснозадых! — колот поп вилами сено.

Утром батюшка благословлять добровольное войско не явился, отхрапывал в стайке.

На площади, возле церкви, толпились вооруженные охотники. На рубахах и шапках блестели кресты. Стоял гвалт. Ржали навьюченные лошади. Иллари, покачиваясь, плакался:

— Надо бы сменить нам батюшку, больно грешит: зельем балуется, вдовушкам проходу не дает. Я все отпишу архиерею. Когда будете возвращаться с победошкой, то прихватите нового святого отца. А теперь в путь тронемся, с богом.

Заплакала гармошка. Запылилась дорога. Все село вышло провожать охотников. Буйная река Андриановка остановила шествие мельковчан. На берегу их встретили батовщики с верхнекамчатским старостой Кондратием Зимовым. Плотный, с лохматыми седеющими бровями, бородой и усами протопал навстречу Илларию потомок казаков-землепроходцев, глава Верхнего острога. Старосты обнялись, крест-накрест трижды поцеловались.

— Принимай, Кондратий Кирикович, мое воинство, — широко развел руками Илларий. — Аль не доволен?

— Твои ли слова слышу, кум? Чай, за один пир, за один присест не объедите, — засмеялся Зимов.

— Как живет-поживает моя крестница Оленька?

— Спасибо. Слава богу, жива-здорова. Пусть твои прощаются. Пойдем ко мне, медком да сдором угощу.

— Откуда у тебя мед? — удивился мельковский староста.

— Не спрашивай, кум, смех берет... На днях попросили у меня молодожены разрешения пожить в амбаре: пришлый парень Клеоник с нашенской девкой Анфисой. "Мне не жалко, — говорю, — живите". На второй день, утром, глянул в окошко: господи, что творится! Клеоник с Анфисой без удержу скачут вокруг амбара, сами руками над головой размахивают, словом, дикарская пляска. Думаю, не захотел ли Клеоник справлять свою свадьбу по-ламутски, ведь, прохвост, амбарушку опоганит. Выскочил к ним. Гляжу, передо мной не лица, а хари. Не успел и слова вымолвить, как в лицо, словно кипятком, плеснули. Мать честная! Туча будунниц* над головой кружит. Тут и я не хуже молодых запрыгал... прокатился по огороду да в избу. Оказалось, будунницы в амбаре гнездо устроили. Выкурил их, проклятых. А медок — отменный... Есть еще кой-чем попотчевать. — И закончил: — Не нравится мне ваша затея. Людей от рыбы отрываете...

— Окстись! — зашипел Илларий. — С нами крестная сила. Ты с ума спятил, Зимов. Сам Пурин приказал...

— Мне что? Идите. С Верхнего их Погадаев поведет, ему доверено.

Илларий забрался на пенёк, возле которого толпились мельковчане:

— Слушайте, люди добрые! Прощайтесь да в баты садитесь! Коней через реку переводите. Времечко нас не ждет. Путь далекий!

Зашумел берег на разные голоса. Началась переправа. Зимов столкнул свой бат на воду, кума поставил на нос, сам встал на корму. По ходу он смочил шест в реке, чтобы не скользил в руках, затем поднялся против течения саженой на пятьдесят и рывком оттолкнулся на середину Андриановки. Илларий, перелетев от резкого

* Будунница (камчад.) — пчела.

толчка через распорку, хлопнулся на дно бата. Вытаращив глаза, он накрепко ухватился за борта. Катька-Невседома испуганно заревела:

— Бабы, бабы! Утопит варнак нашего благодетеля!

На берегу засмеялись. Илларий рывком поднялся на ноги.

Рядом, около реки, за тальниками, раскинулся Верхний. Мильковчан встретили хлебом-солью, женщины поднесли им в берестяных чумашках отваренную юхалу с медвежьим жиром.

На длинный стол, сколоченный из тесаных осиновых досок, поставили миски с жареной рыбой, чуприком и молодой картошкой.

Едоков остановило высокопарное приветствие:

— Здорово, охотники-воины! С благополучным прибытием поздравляю вас!

Перед столом возвысилась фигура в зеленом френче, перехваченном портупеей, с рыбьими холодными глазами навывкате и круглой лысой головой. Староста Зимов объявил:

— Прошу любить и жаловать — ваш командир, прапорщик Погадаев Панкрат Сысоевич!

ТЕЛЕГРАММА

Вечером на правом берегу Камчатки запылали огромные костры вооруженного отряда крестьян из Милькова, на левом — бледно засветились окна изб островной деревушки Верхней. В конце семнадцатого века славным подвижником Володимира Атласова Потапом Серюковым здесь был заложен первый казачий острог, который стал на долгое время центром Камчатки. Сюда свозились ясачные меха со всего огромного полуострова. Омываемый со всех сторон горными реками Андриановкой, Камчаткой и Курицей, он был неприступным для недовольных ительменов. Полвека тут прохозяйничали казаки. Затем на Камчатку правительством были посланы начальники, которые перевели столицу в Большерецкий острог, и Верхнекамчатск опустился до ничтожного острожка.

В доме старосты Зимова бражничали. За столом, кроме старост, сидели родник Кирик Нечаев да осевший в Верхнем линейщик Лапин. Говорили всяк о своем, безостановочно. Жена Зимова, Конкордия, то и дело бегала с мисками от печки до стола и обратно.

За тонкой перегородкой, в спальне, на дощатой кровати, притихшие лежали дочери Зимова — старшая молчаливая Василиса и младшая, всегда веселая Оля. Оля вспоминала, как сегодня у речки разговаривала с Казимиром. Парень все время краснел, а когда она нарочно уронила в Андриановку вышитый платочек, он, не раздумывая, метнулся в бурливый поток. Чудной он. Добрый и сильный.

У Василисы перед глазами синело море ягод. Днем она ходила собирать голубику, устала, но пьяный говор не давал заснуть. Василиса росла горбатенькой. Еще ребенком отец уронил ее на пол, а теперь часто жалеет.

Горячий разговор между отцом и гостем, крестным Илларием, прервал Олины мысли, насторожил.

Иллорий: — Оленька, что тополинка, быстро расцвела, считай, через годик-два сваты к тебе, Кондратий Кирикович, нагрянут. Чай, парни к ней мухами липнут?

Отец: — Откуда здесь парни! Верхнее — не Мильково. Правда, вертится вокруг да около сын Ерша Казимирка. Гнать его подальше надо.

Иллорий: — Да, гони-гони бунтарского отпрыска, таких делов наделает, потом сраму не оберешься. Найду девке жениха по масти. Слава богу, Ерш-то утонул в Антоновке, завтра хоронить должны безбожника.

Отец: — Мужик был силен на руки и на ум, тебе не чета... Да ты шутишь, Иллорий, этот не утонет, верткий... Как это его уго-раздило?

Крестный: — Медведь Ерша крепко подцепил лапищей. Ну и после поранетый с яра свалился в бессознании-то, вот и утонул... Не обижай, хозяин, добра тебе хочу: Казимирку утром в церковно-приходскую школу отвезу, у меня поживет, поработает, а тем временем подыщем жениха Ольге. Есть на примете один ухарь...

Отец: — Ухарь — не ухарь, а по-твоему не бывать, дорогой гость. Пока первая дочь не выйдет замуж — никаких женихов!

Над голосами старост поднялся третий — Нечаева:

— Чего вы не поладили, старосты? Мы вчера с Лапиным баль-шого медведя на тундрочке завалили. Пойдем ко мне на свежину, кстати, мильковский гость на дорогу прихватит гостинца.

Мужики грузно поднялись, открыли дверь, но ударились об июльскую темень и остановились.

— Веди, Нечаев, по забору, не дай бог, к яру выйдем. И утонем, подобно Ершу. Царство ему небесное.

Конкордия потушила огонь и легла к дочерям.

В полночь дети слышали, как в сенях грохнулось корыто, и послышался тугой голос:

— Оё-ёх, прямо по голове заехало. Свет, это мы в кладовую попали. Ребята, ищите дверь с другой стороны.

Захмелевшие мужики ввалились на кухню.

— Ну, Свет, опохмеляй, — еле проворочал языком Лапин.

Зимов во время веселья словно светился изнутри, потому что всегда был в добром расположении. Оттого его и называли Светом.

Сейчас он пошарил, пошарил по комнате, нашел на печке ведро и поставил на стол.

— Вот оно! Пей, ребята, больше полведра осталось.

Зачерпнув поллитровые кружки, мужики с удовольствием крякнули и враз их осушили.

— Да, Свет, бражка не та, что вечером пили.

Опростав ведро, они, горланя "Слети к нам, тихий вечер", вывалились на улицу и в обнимку двинулись к Лапину.

Мать вышла на кухню, оттуда донесся ее голос:

— Охушки мои! Помои скотине приготовили, а они, черти окайнные, выдули!

Ни свет ни заря на правом берегу Камчатки зашевелились крестьяне: свертывали кукули, спальные меховые мешки, ловили, седлали и навьючивали лошадей.

Срочно призванные на службу молодые парни Кирьяк с Кешкой готовили для всех чай.

Прапорщик Погадаев был не в духе. Около костра он нашел листовку городского Совета. Кто ее принес охотникам? Не сын ли Ерша?

Погадаев зашел в густой тальник и тайком, озираясь, стал читать:

"Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне!

В Петропавловске организовался орган трудового народа — Совет рабочих и солдатских депутатов. Две революционные армии — солдат и рабочих — слились в единую, мощную организацию.

Совет просит все демократические организации трудового класса влить в него свое представительство.

Помните, товарищи, что одним из самых сильных орудий рабочего класса и революционной демократии в борьбе за лучшее будущее и свои идеалы есть Совет рабочих и солдатских депутатов, вокруг которого объединяется истинная демократия и который руководит сплоченными силами пролетариата..."

Прапорщик вздернул голову.

— Как бы не так: Совет рабочих и солдатских депутатов, — прокрипел он зубами. — Покажем вам...

В тальнике затрещал сушняк. Погадаев быстро сунул листовку за отворот шинели и на цыпочках пошел на треск. Крадучись, пробрался к толстой ольхе.

Разговаривали двое.

— Ну и комарно, сват, тут-ка! Зачем мы поплелись за бритоголовым? Ерш правильно говорил, что дурят нас. Прежде, чем идти в город стреляться, надо б послать туда делегацию, пусть она толком узнает про все. Вы-от, старшие, собрались бы на совет... Эх, как тут комарно, сват!

— А ты подь сюда, здесь ветерок их отгоняет... Акиндиныч мне тоже баил, дескать, надо бы собраться нам, старшим-то.

— Верно! Только заметь, Погадаев чего-то вынюхивает. В нос бы ему заехать!

Погадаев вздрогнул. Остаться одному наедине с двумя мужиками ему не хотелось. Он потихоньку вернулся на старое место и дочитал листовку.

"...Товарищи, не забывайте, что только Советы рабочих и солдатских депутатов, выкованные в горниле революции, есть истинные защитники ваших интересов, противоположных интересам купцов, фабрикантов, помещиков и других капиталистов.

Свято храните ваш братский союз, возглавляемый Советом рабочих и солдатских депутатов. Помните твердо, что в этом союзе ваша сила, залог вашей полной победы над злейшим врагом пролетариата — капиталом..."

Прапорщик в злобе порвал на мелкие клочки воззвание городского Совета, оглянулся и бросил в воду. Он знал, что из двух близлежащих волостей к городу, которые могли бы выслать вооруженных людей, — Большерецкая отказалась направить отряд охотников для защиты областного комитета, — надежда только на Мильковскую. Надо спешить в село Завойко*, куда должны стягиваться вооруженные отряды.

Ехали быстро. До Шаром добрались засветло, но проливной дождь захватил отряд, и люди отказались пройти мимо селения. Погадаев приказал коней не стреноживать, а держать на привязи. Сам стал составлять список: кто в каком доме остановился на ночлег, но вскоре бросил записывать; в деревушке жили одни Мерлины, потомки легендарного ительменского героя Божоша.

Прапорщик вспомнил разговор двух мужиков у реки Камчатки, упоминавших Акиндиныча, и решил, на всякий случай, изолировать его на ночь от крестьян.

— Акиндиныч! — вежливо позвал он.

От толпы отделился складный мужик, подстриженный "под горшок".

— Возьми себе напарника, и по очереди будете дежурить у коновязи. Ночевать в одной избе со мной...

Вечером многие потянулись к избе семидесятилетнего Азария Мерлина. Изба старика напоминала большую коробку, в ней не было перегородок, печка стояла сбоку, около двери. На стенах висели дудки, сделанные из бузины и шеломайника, две старые скрипки, две самодельные балалайки, в углу, на столике, лежали гармошки, однорядная ливенка** с венской двухрядкой.

Из-за частых гостей здесь спали прямо на полу, на оленьих шкурах.

Кто бы ни останавливался в Шаромах, тот обязательно посе-

* Село Завойко — ныне Елизово.*

** Ливенка — разновидность русской гармони.

щал этот дом, чтобы послушать игру музыкантов Мерлиных. Сегодня у Азария столько гостей, что некоторые присели в сенцах.

Старик волнуется. Он снял со стены скрипку, сыновья Гаврюха с Кирюхой взяли гармошки, племянники Ванька с Кенькой — балалайки, внуки Арка, Фаня, Спиря — ительменские дудки, коон*. Азарий натер лиственничной смолой самодельный дугообразный смычок и скомандовал:

— Перво-наперво — "Камаринская"!..

Музыканты уперли взгляд в дедовы торбаса, они были вместо дирижерской палочки: дед легонько притопывает — играй тихо, шибче — играй громче, если начинает вертеться не хуже ламутского шамана при камлании — играй во всю силу. Забывчивый получал удар смычком, на конце которого специально для этого случая был предусмотрен маленький нарост.

Ительменскими и русскими песнями, музыкой, подобранной на слух с граммофонной пластинки и с голоса проезжих людей, мелодиями, выдуманными дедушкой Азарием, — всем радовали Мерлины гостей.

— Bravo! Молодцы! — захлопали гости в ладоши. — Распотешили. Хозяин, принимай гостинцы! — Стали развязывать мешки, вынимая сухари, подстреленную в дороге дичь...

А утром снова ржание лошадей и узкая древняя тропка, теперь уже ведущая отряд в другое селение — Пущино.

Пущино — самое бедное селение в долине Камчатки. Лет сто пятьдесят назад из Петропавловской губы в Нижнекамчатск сухопутным путем решили перевезти пушку. Здесь в болотах она затонула. Тогда начальник края насильно переселил в эти гнилые места несколько ительменских семей из острогов западного побережья: Морошечного, Белоголовой и Колпаковой. Появилась новая деревушка Пушкино, переименованная позже в Пущино. На первых порах деревушка служила перевалочной базой при перевозке грузов и страховала от опасностей вольно разъезжающих по Камчатке чиновников. Люди Пущина влачили жалкое существование, забыли свой язык и не научились толком русскому. Говорили растянuto, бестолково, туго.

Тропа в город проходила в стороне от деревушки, по столбам телеграфной линии, и мало кто сворачивал в Пущино, стараясь добраться до верховьев реки Камчатки, где специально для проезжих обществом была построена юрта. Погадаев тоже решил миновать деревушку: надо было наверстывать упущенное время в Шаромах. Его бесили переправы через горные речки и длинные чаевки.

За Шаромами навстречу выехал нарочный из села Ганалы. Вокруг него сгрудились вооруженные мильковчане.

* Коон — дудочка.

Нарочный достал бумагу.

— Слушайте, люди! На почту пришла телеграмма для срочной передачи вам от Нижнекамчатской и Ключевской волостей. Читаю: "Почему Мильковская волость секретно вооружается против Совета рабочих и солдатских депутатов? Просим разъяснить. Если вы едете воевать против Совета, то мы, две волости, едем в Мильково и разнесем в пух и в прах. За товарища председателя Шлыгин".

— Врет, сука! — завопил Погадаев. — Вернемся, рассчитаемся! Быстрее в город!

— Вы пока вернетесь, села не будет, — предупредил нарочный.

— И ты туда же, гадина! Пристрелю! — рванулся к нему прапорщик.

— Не смей трогать посланца! — остановил Погадаева бас Анисима Михайлова. — Стой! Люди, надо разобраться.

— Измена! Дураки! — не унимался начальник отряда. — Для вас все стараются лучше сделать. Завойкинская волость провозгласила Камчатку автономией. Камчатка — для камчадалов!

— А ты-то, чей будешь? — спросил ехидно Гаврила Мальцев. — За нас, паря, не решай. Мы корнями росли в эту землю, а ты сегодня здесь, а завтра хрен тебя со свечкой найдешь. Проваландаемся с войной, и хайко пройдет!

— Не туда мы пошли. Прав был Ерш: темнота нас повела, — заговорил Андрей Акиндинович. — Рыбу упустим. Руку родник на родника поднимет.

— Агитация! — бесился Погадаев. — Головы листовками забили! Зашумели.

Заспорили.

Решили: в Завойко отправить семнадцать человек представителей для выяснения, что там творится, остальным — вернуться домой.

Так прервался поход отряда из Милькова.

Не играла гармошка Кости Решетникова. Не пелась походная песня "Вы послушайте, стрелочки".

Ехали молча, в раздумье над событиями...

ШКОЛА

Тяжело переносил Казимирка утрату любимого отца. Всю ночь проплакал у гроба.

После похорон Илларию увел Казимирку на свою рыбалку, к Македонычу, заготавливавшему для него атолы*. Старик сочувственно отнесся к новому напарнику: накормил свежей, отваренной ры-

* Атол — решетка (подвижная изгородь из круглых палок) у рыболовного запора.

бой, напоил чаем, поделился горем и отвез на бату в густой тальник, рубить жерди. Он по опыту знал, что только в жаркой работе человек может приглушить свою душевную боль.

Казимирка трудился до иступления, и когда под вечер пришел их проводить Илларию, то увидел на берегу огромную кучу жердей.

"Хороший выйдет из Ершонка работник", — удовлетворенно подумал хозяин рыбалки, потом, не торопясь, достал из нагрудного кармана часы, важно посмотрел на циферблат.

— Фу-фу-фу, жарко, — тяжело выдохнул он и стал развязывать мешок. — Принес вам сдор*, сварите тихтер... охо-хо, как парит, не к дождю ли?

Македоныч удивленно уставился на живот хозяина.

— Эх, как, паря, у ты брюхо-та пошло в простор! Тяжело, поди, с ним в такую жару-та? Помню: с таком-от преподобием в давние времена приезжал в Мильково с Большой земли крупный начальник.

— При-ез-жал, на-а-чальник, — передразнил Илларию. — А я-то что, хуже его? Смотри: растет!..

Здрав рубаху, хозяин нежно погладил себя по округлости.

— Нынче оно в почете, старик. Еще медаль пообещали. Теперь мне не будет стыдно в городе показаться на глаза начальству.

— Издалека видать его, что твою Черную сопку, — подольстил Македоныч. — Ни у кого еще такого здесь не было. Это уж точно, я знаю. Ты первый...

Илларию, заметив рядом проползающего червяка, протянул руку и раздавил его широким ногтем.

— Так мы их! — похвалился и заважничал. — Вы тут поменьше зады-то за столом приклеивайте, время горячее — без рыбы оставите меня... Ну, я пошел.

На обратном пути Илларию встретила убитая горем Анисья.

— Куда племянника девал, уж не в лямку ли запряг?

— Глупости говоришь, Анисья! Господь с тобой, одумайся! Парня к Македонычу отвел, чтобы успокоил ему раненое сердечко. Да у меня он будет жить, как у Христа за пазухой, слава богу, не нищий. Зачем в доме станешь лишний рот держать? Своих-то, кровных, прокорми. Завтра Казимира в школу отдам. Выучится, окрепнет — вот тогда и бери!

Анисья горько зарыдала и побрела домой.

Жалко было старосте отдавать Казимирку в школу, да надо перед людьми себя благодетелем показать: дескать, смотрите, люди добрые, видите, какой Илларию, сироту приютил, учиться уму-разуму отдал.

В учительскую сам привел.

* Сдор — внутренний жир от скота или от диких баранов, оленей, медведей.

— Вот, господин учитель, сироту отдаю в школу, учите. Ежели что не так — наказывайте, — вздохнул благодетельно и покосился на Казимиру. — Что встал, как Валва*? Кланяйся — не отпадет голова!

За дверью затрепыхался смех учеников. Казимир вспыхнул. Иллариий зачастил:

— Буде, буде, буде, успокойся. Я так... я пошел.

Недавно возглавивший школу Телятьевский представил классу нового ученика:

— Казимир. Пинигин, не перепутай по-своему Казимира на Кажи мир!

— Знаем, знаем! Ерш! Валва!

Учитель никак не мог смириться с камчадалским говором. Крестьяне знали много слов ительменских и хранили уже забытые в Сибири словечки.

Ребята зашумели.

— Тихо! Михаил с Акиндином, потеснитесь, дайте место новичку. Начнем занятия. Охотник в первый день убил пять медведей, во второй — шесть. Сколько охотник убил медведей? Сосчитай, Мальцев.

Встал сосед Казимира, Мишка.

— Два.

— Думай!

— Три.

— Одиннадцать. Падай, дубина!

"Падай, дубина!" означало: иди в угол и становись голыми коленями на песок.

Мишка пошел отбывать наказание с плаксивым напевом:

— Вы бы сами попробовали хотя бы одного убить. Он бы вам оголил череп-то. Одиннадцать никто за день не убьет. И мясо испортится...

Учитель заметил, как Костя Пинигин достал из стола юколу и начал жевать. Подошел к нему.

— М-да... Вороне где-то бог послал кусочек сыру... Падай, дубина!

Пинигин под общий хохот побежал к песку. В классе его звали Доктором. Любил он животных, любил их лечить, но вот толку от его лечения никакого. Зимой Костя взялся тайком от всех лечить племенную суку старосты. Собака болела глазами. А он видел, как знахарка лечит больных трахомой.

Костя подкараулил, когда поблизости никого не было, разулся на морозе, помочился на травяную стельку и промыл глаза суке. Потом этой же стелькой накрыл их.

Вечером Иллариий хотел покормить собаку, да и заметил примерзшую к морде стельку из осоки. Дознался у ребят, кто это сделал. Пришлось Костиному отцу отдать старосте двух ездовых собак в обмен на слепую суку.

К концу урока больше половины учеников стояло на коленях. Телятьевский вышел. В класс вошел, держа в подоле щенят, бабюшка Астапчук.

— Кто моих щенят попортил? Кто чернилами поил и одного скастрировал? Все крыльцо испоганили! Кто?

У Доктора на спине выступил холодный пот. Костя всегда с собой приносил в школу юколу, зная наперед, что ему без обеда придется запертым в классе до вечера сидеть. Вчера он заметил прогнившую половицу в углу. Когда ее своротил, увидел поповских щенят. Приманил их юколой к дыре и по одному затащил в класс. После съеденной рыбы щенки захотели пить, а кроме чернил, никакой воды не было. Напоил щенят, потом одного кастрировал. Костя всегда помогал отцу, когда тот врачевал скотину, и в этом деле поднаторел.

— Изверги, я спрашиваю: кто? — дознавался Астапчук.

Все усталились на Доктора. И быть бы беде, да Польша, около окна перебиравший тихонько в столе "рубашки", обертки от конфет, закричал:

— Охотники идут! Победили! Ура!

Тут и поп, бросив на пол своих щенят, побежал с учениками на улицу.

Недолго проучился Казимир в школе. Невзлюбил его Телятьевский. Все чаще и чаще стал кричать Казимиру: "Падай, дубина!" Поводился учитель ходить к старосте домой. Подружился с Илларием. Часто открыто вдвоем смеялись над Казимиром. Обидно. Староста вселил учителя в бывший дом святого отца Иринарха, и теперь сам похаживал к нему в гости.

В первый же день своего прихода в школу Телятьевский на уроке произвел разделение на две группы, скомандовав:

— Всем слушать мою команду! Пересесть попарно: дамы — справа, кавалеры — слева! Марш!

В школе все обучались в одном большом классе: и девятилетние, и шестнадцатилетние. Иннокентия Коркина прямо из школы взяли на службу. Старшие учились у Телятьевского стрелять по чучелам из нарезного оружия. Это было самым любимым занятием для ребят. Отцы похваливали сыновей: "Хорошая смена растет!"

Учитель заигрывал с ученицами. Устроил для них танцкласс. Вскоре присмотрел себе плясунью Таню Кошкареву и женился на ней.

Ребята меж собой делились на группы.

Казимир-Валва сдружился с Акиндином Бобряковым и Миш-

* Валва — искаженное Талвал — герой ительменских легенд.

кой Мальцевым. Невзлюбил Польку Плотникова и Петьку Коршунова: они приносили на уроки "рубашки", обертки от конфет, а за бумажки нанимали ребят рубить дрова.

Конец учению Валвы пришел в дождливый сентябрьский день.

Учитель ходил по классу пасмурный, как сама погода, засунув большие пальцы за широкий ремень; взгляд его был отвлеченным. Думая о чем-то своем, он машинально бросил:

— Екатерина Плотникова, идите к доске.

Встали сразу три Екатерины Плотниковых. Телятьевский мрачно улыбнулся:

— Екатерина вторая... Первая и третья сядьте. Спойте "Колокольчики мои".

Екатерина была мастерицей петь, научилась от бабушки. Как весенняя оттепель зазвенел голос девочки:

Колькольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

Ребята притихли. Голос Кати перенес их на лесную полянку, где цвели голубые колокольчики, красные саранки.

И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?..

За окном потекла ручьем с крыши вода. Фадейка Еланцев крикнул: — Ха-ха! — и песня оборвалась.

Телятьевский подскочил к Фадею.

— Пощупай, Фадейка, какие у тебя уши!

— Холодные.

— Так вот же... — Телятьевский схватил за ухо Фадея и потащил по классу. Тот заревел:

— Горячие, горячие!

— Казимир, выйди, спой, что умеешь.

— Я спою новую папину песню

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

— Замолчать! Ерш, Валва, потомок рваных ноздрей! Вон из класса!

Казимир подскочил к Телятьевскому, закипел от обиды:

— Не смей так говорить про отца! Слышишь ты, прищелец!

Над головой Телятьевского повис рыбацкий нож. Камчадалы с

малых лет приучены носить с собой ножи. В школе ты ученик,

дома — рыбак, охотник.

Учитель побледнел и выскочил из класса.

От Илларию перешел жить Казимир к тетке Анисье.

С уходом из школы он потерял свое родное имя, став для всех Валвой.

ПАРТИЗАНСКАЯ УЛИЦА

По случаю возвращения из Завойко охотников-посланцев от мельковского отряда староста Илларию собрал сельский сход.

По-разному говорили посланцы о событиях в городе. По-разному воспринимали земляки их слова.

Егор Еланцев, щепетильный мужик, говорил об организации в Петропавловске Совета рабочих и солдатских депутатов, что народ идет за Советом; потом достал затасканную листовку и стал громко читать:

"Граждане! Товарищи крестьяне и рабочие!

Завоевания крестьян и рабочих в опасности. На Дальнем Востоке меньшевики и буржуазия с чехословаками употребили все усилия, чтобы свергнуть власть Советов, но белогвардейцы с чехословаками заняли лишь временно город Владивосток... У нас, на Камчатке, все спокойно, но будьте готовы, граждане, к тому, чтобы при малейшем..."

Тут Егора перебил, забрызгал слюной Полуэкт Потапов:

— Стой-о-ой! Замазываешь глаза людям, Еланцев! Не то он говорит. Слушайте меня все. Я был делегатом. В Сероглазке проходил чрезы... чревы... в общем, быстрый Завойкинский волостной съезд. Там и решили, что вся Камчатка — для камчадалов. А ты, Егор, заладил: Советы, Советы! Нет их, Советов, всех арестовали и отправили на материк к едрене фене! Командует областной комитет, то есть Пурин, Лавров, Сусяк, наш Ворошилов из Завойко. Вот как оно получилось. Ишь ты, какой, Егор!.. Соль ипонцы для нашей нужды привезли... Замаз... глаз...

Гаврила Мальцев Полуэкту не дал закончить:

— Ипонцы! Заблудился ты, Полуэкт, как корова в лесу, мычишь, зовешь, а, оказывается, самого надо на свет божий вывести. Люди, мы же сами недавно в Совет жалобу на ипонцев послали. Они реку Камчатку в устьях сетью перегородили и нас оставили без рыбы.

— Правду сказал, Гаврила! — размахивая листовкой, снова заговорил Еланцев. — Ты тут, Полуэшка, слюной брызгал, когда мы ходили в низовье Камчатки отстаивать ружьем реку-кормилицу. Там Демби с приставом Костровым вооружили против нас ипонцев. Стрелялись. Свояку Дмитрию Подкорытову ногу прострелили, теперь в городе лечится, а ты на обеих ногах ходишь. Забыл ты, Полуэкт, как обществом писали в город, что если пристав Костров и вторично приведет вооруженных ипонцев защи-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая. Яроводье</i>	<i>5</i>
<i>Часть вторая. Родовая песнь</i>	<i>76</i>
<i>Часть третья. Аттай</i>	<i>140</i>
<i>Часть четвертая. На перепутье</i>	<i>188</i>
<i>Часть пятая. Колхоз "Безбожник"</i>	<i>254</i>
<i>Часть шестая. Осень</i>	<i>342</i>
<i>Часть седьмая. Круговерть</i>	<i>380</i>
<i>Часть восьмая. Железный караван</i>	<i>445</i>
<i>Послесловие</i>	<i>554</i>

ГЕОРГИЙ GERMAHOVИЧ ПОPOTOB

Ha oKолице Pуси

Роман

Редактор *Н. Н. Селиванова*

Компьютерная верстка *Т. В. Бережной*

Корректор *Е. А. Белошицкая*

Подписано в печать 30.05.2003. Формат 60x84/16.

Гарнитура TimesET. Печать офсетная.

Бум. офсетная. Усл. печ. л. 32,55. Тираж 2 000 экз.

Заказ №1715.

Холдинговая компания «Новая книга»

683006, г. Петропавловск-Камчатский,

ул. Атласова, 226

Отпечатано в ФГУП «ИПК «Дальпресс»

690950, г. Владивосток,

пр-т Красного знамени, 10.